

Nota Bene

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

#1/7
2014

Nota Bene: литературно-художественный альманах. – Челябинск, 2014. – 122 с.

В сборник вошли произведения молодых челябинских авторов

Дорогие друзья!

История нашего альманаха началась в 2008 году, когда было решено издать сборник стихов студентов факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета. С тех пор вышло 6 выпусков. Альманах, как живое явление, менялся – и в стилистике оформления, и в содержании, и в качестве текстов. Постепенно появилась рубрика «Гость альманаха», участниками которой были студенты и выпускники других факультетов университета; кроме стихов авторы стали присылать прозу, молодые поэты стали следовать новейшим литературным тенденциям.

Этапным в истории нашего альманаха стал шестой выпуск, в создании которого принимал участие «золотой состав» редакционной коллегии – магистранты кафедры русского языка и литературы – Евгений Смышляев, Зоя Потапова и Александра Ивашкина. Именно они сделали шестой выпуск альманаха иллюстрированным, принципиально изменив стилистическое решение сборника. Организаторам стало понятно, что качество произведений, изменившийся состав и география участников, требуют концептуальных перемен в стратегии создания альманаха.

Первая принципиальная перемена касалась названия: обновленный альманах должен был получить собственное имя.

Nota Bene – латинское выражение, которое означает «обрати внимание». Называя так альманах, мы не только стремимся помочь нашим читателям сориентироваться в пространстве современной региональной литературы, но также пытаемся обратить внимание на себя, говорим: «Заметьте нас! Обратите внимание на произведения наших авторов, потому что они важная часть современного литературного процесса!».

Авторами альманаха по-прежнему являются молодые поэты и писатели, многие из которых, как вы увидите в биографических сведениях, имеют престижные премии и награды, характеризующие молодых авторов как участников современного литературного процесса.

Молодой состав авторов нашего альманаха подсказал дизайнерское решение первого выпуска в новой истории проекта – мы оформили его в стилистике наскальных рисунков, с которых, как считается, началось культурное развитие человечества. В оформительской стратегии следующих выпусков мы предполагаем двигаться в хронологии культурно-исторических периодов.

Принципиальные изменения коснулись географии участников: в седьмом выпуске опубликованы произведения наших друзей из Литературного объединения ЧТЗ им. Михаила Львова, поэтической секцией которого руководит известный челябинский поэт Янис Грантс.

Литературное объединение ЧТЗ – одно из старейших в России и имеет более чем 70-летнюю историю. Мы гордимся дружбой с участниками этого объединения и благодарим их за помощь и сотрудничество!

Неизменным в стратегии нашего альманаха остается его существование в электронном формате. Мы объясняем это и нашей приверженностью прогрессу во всех его формах, стремлением следовать всему новому и передовому. Безусловно, электронный формат, существование книги в интернете расширяет круг читателей, облегчает доступ к книге и сохраняет все её важные качества – текст произведения, авторскую мысль и удовольствие от оформления пространства страницы.

В этом году мы решили стать ещё ближе к читателю и освоить актуальный формат социальной сети. Нашу группу вконтакте вы можете найти по адресу – vk.com/notabene_almanac

Мы благодарим всех авторов альманаха за поддержку нашего проекта и приглашаем к сотрудничеству старых и новых друзей! С наилучшими пожеланиями,

руководитель проекта Татьяна Семьян

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Бестужева Алина

«На Йоль я придумаю снежную сказку».....	9
Ремонт.....	10

Бочаров Влад

Раз.....	11
Два.....	13
Три.....	14
Четыре.....	16
Пять.....	17
Шесть.....	19
Семь.....	20

Ермошкина Тамара

Осень.....	22
Дождь.....	23
Напиши.....	24
«Вся твоя жизнь — маленькая и цветная».....	25
Племя.....	26
«Небо туманится».....	27
«Не сыпь песком — мои глаза закрыты».....	28

Цикл «Скандинавские мифы»

Друг мой Пак.....	29
Сказки.....	30

Литвиненко Валерия

«Столетний порог одиночества».....	31
«На рукавицах января».....	32
«На удачу лей в бокалы терпкий брют!».....	33

Лицкевич Виктория

«И с собой говоришь на немислимом языке».....	34
Онемевшие танцы.....	35
Опус одного дня.....	36
Безнебесье.....	37
«Будущее никогда не станет возможным».....	38

Классификация бабочек.....	39
«Правда, промокли в субботу, зато ночевали в облаке».....	40
«Проступающий почерк на листьях. Опавший клен».....	41

Новицкая Диана

Оловянная принцесса.....	42
«Достойному».....	43
«Милая, что-то давно о тебе не слышно!».....	44
Америка.....	45

Синицкий Евгений

Тополь-паралитик.....	46
«Чёрная точка».....	47
Бражник.....	48
«Осыпается осень».....	49
Тень.....	50
Экскурсия.....	51
«Во дворе».....	52
Сны города в двухкомнатной хрущевке на отшибе.....	53
ОКР.....	54
Голые кости.....	55

Татаренкова Мария

«Совсем не хочется писать двусмысленные фразы».....	56
«Точно бы, четко бы знать, что».....	57

Федосеева Дарья

В поисках русла.....	58
«Ты не будешь моим царем, твое царство — тлен».....	59
«У липы, у липы ветви налиты».....	60
«Как рыба дышит глубиной».....	61

Елуа Ocean

Страшно.....	62
Дельфин.....	63
«Улетим зелеными птицами».....	64
Клеопатра.....	65

ПРОЗА

Великова Алена

Сказка, рассказанная дождем.....	66
Как появился мир.....	68
Сказка про маленький ветер.....	70

Никитина Татьяна

Сирота.....	73

Юдин Лев

Айнсам.....	77

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЧТЗ ИМ. МИХАИЛА ЛЬВОВА

Янис Грантс

Дрель.....	83
Дома.....	85
Необратимость.....	86
Муха.....	87
Тик-так.....	88
Ничего не случится.....	89

Аглиуллина Римма (пер. с англ. стихов Варсан Шайр)

Некрасивая.....	90
Что они сделали вчера днем.....	92
Первая мысль после того, как я вижу твою улыбку.....	93
34 оправдания тому, что мы потерпели неудачу в любви.....	94

Горбачев Евгений

Толкаться.....	95
«Выкрученных рук и ног».....	98
«Мне снится как город».....	99

Кузьминых Антон

«Видите человека, что стоит на углу».....	100
«Мы храним солнце глубоко внутри».....	102

«Мечты — вот куда мне приходится отправляться».....103

Липатов Виктор

Утопленник.....104

Музыка прокаженных.....106

Ну вот и всё — и след почти — остыл.....107

Post nubila sol.....108

Анабиоз pt2.....109

Сократ—Протагору.....110

Новиков Павел

Под увертюру Шнитке.....111

Сабитова Ангелина

Червивый снег.....113

Автобусный рай.....115

Письма мертвым.....117

Люди и сны.....118

Под плеск будильника пытаешься сморгнуть.....120

Трамвайная музыка.....121

Офелии.....122

АЛИНА БЕСТУЖЕВА

Родилась в 1992 году в Миассе, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Публикуется впервые.

На Йоль я придумаю снежную сказку.
И обниму тебя нежно за плечи, Солнце,
Пригрею, словно теплая ласка,
Сегодня твой свет от меня отразится, вернется,

Вернется к тебе. В эти сутки тебе он нужнее.
А я пролечу над лесом на совьих крыльях.
Хрустальная ветка: волшебный иней белеет,
Сверкает огнем, магической книжной пылью.

На белых листьях рисую ночную повесть,
Следами оленьих копыт расставляю точки.
Под властью еловых лап исчезает горечь,
Счастливый конец нежно шепчут ветрами строчки.

За белым волком бежит на охоту стая,
В холодной пещере укрылись уставшие тролли...

Домашний очаг. Угли давно догорают,
А я допиваю сидр, растворившись в Йоле.

Ремонт

Я просто поверю.
Просто поверю еще раз.
Просто я готова поверить, закрыв глаза на всполохи прошлого.

Всего лишь примерю
Всего понемногу за раз:
Улыбку, блестящий весенний карниз. Чего-то хорошего

Просит душа.
А я неспеша бегу от него.
Ломаю коленные чашечки о перекладины серые.

Как хороша
Мечта. А вдруг иллюзия, нет его?
И снова несусь, закрывая границы сознания, меряя,

Измеряя.
Сравнивая?.. Все! Вспоминать не хочу.
Сжечь дневники, удалить карточки старой памяти,

Сменяя
Жесткие диски. От вирусов лечу,
Излечиваю установки, прописанные заповеди.

Открываю новый блокнот, капслоком рисую неровные строки:
«Разрешаю себе купить линолеум,
И закончить ремонт».
Так сказать отформатировать старые блоки.

ВЛАД БОЧАРОВ

Родился в 1991 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Дважды публиковался в Альманахе творчества студентов факультета журналистики ЮУрГУ в 2012 и 2013 годах. В 2011 году участвовал в фестивале «Восхождение на Парнас».

Раз

иногда я всерьез прощаюсь со светом
думая что опасения мои сбылись
со временем все становится раритетом
как пирожные вагон вилс
вещи заставят сердца содрогнуться
наша память лежит ерундой на помойке
и игрушки тебя никогда не дождутся
похороненные в картонной коробке
а ты стоишь в боевой стойке
перед миром что тебе не рад
ты принимаешь всё в штыки
и не позволяешь себе обернуться
назад
а только топорщишь зловеще клыки
надеясь что воды морей разойдутся
дом детства снесут спилят сосны
здесь будет чья-то другая радость
а ты стал слишком взрослый
чтобы позволять себе слабость
в тебе нет этого даже самую малость
ты меришь шаги в тяжелых ботинках
под которыми чьи-то кости хрустят
и не бежать больше игле по пластинке
где записаны шлягеры «Веселых ребят»
где на заднем плане слышался неистовый топот
что барабанным перепонкам знаком
и ты идешь дальше приумножая житейский опыт
при этом продолжая оставаться дураком
прошлого нет оно под запретом
со временем все становится раритетом

даже воздух которым ежедневно мы дышим
такой неувовимо-легкий
и возможно мои откровения будут цениться выше
чем мемуары проституток с рублевки
цена будет выше чем за последний выстрел и книги мои сохранив ваши
лица
зашелестят в дрожащих руках букинистов
что плачут в захлеб над каждой страницей
и дома под светом энергосберегающей лампы
каждое слово проглатывая залпом
будут читать их сходя с ума от чернил
будут думать а каким же он был
когда белый свет собой очернил
я помню всё здесь когда-то было озеро
а вот здесь была жизнь и теперь ее нет
всё это врезано в память что не разровнять бульдозером
что не выключить как выключаешь ты свет
и пускай кровь в нас бежать перестала
и за спиной не осталось теплого стана
лишь ветер бездомный бродит
все становится раритетом и мы с тобой тоже станем
как часы «Монтана»
где было семь мелодий

Два

сомкнулась жизнь кольцом руки
раскосый дождь угрюмо плакал
омыв качели турники
омыл пьянчугу без зарплаты
разбил стаканы и беседку
набухших досок раскачал
свалился тяжестью с плеча
проник в глаза холодно-едкий
а кто-то скажет — ну и чё?
стоящий в брюках полинялых
он книги полторы прочел
любви свободу предпочел
таких не мало
их число
под корнем жизни уравнения
они рождаются еще
их жизнь подобна наважденью
им доставляет наслажденье
чужая боль на острие
смурная слякоть во дворе
необоснованная злость
их зубы пляшут вкривь и вкось
и смех раскатистый как эхо
обнимет стены подворотен
они одни из этих сотен
чей путь тернист и без успеха
кто ежели на что и годен
так это быть причиной смеха
антоним слова человек
антоним слова победитель
как почерневший грязный снег
не человек а наполнитель
что скован ржавою цепочкой
что искривлен как коромысло
их век оканчивался точкой
в конспекте Бога скорописном

Три

в тени разрушенного храма
среди обломков черепиц
порхала пиковая дама
с пустыми шахтами глазниц
над ней ворон летала стая
под каблуком стекло хрустело
последние частицы рая
сквозь поры покидали тело
была погода никакая
то падал снег то вдруг теплело
то зацепляясь за антенны
летел вчерашний лист газеты
а кто-то прятался в клозете
чтобы терзать гнилые вены
писал угрюмо строки эти
рабочий после пятой смены
с лицом Петра что на иконе
киоски ставнями закрылись
самоубийцы на балконе
вспорхнули в небо и разбились
из-за стены протяжный стон
звучал как песня прегрешенья
а день катился к завершенью
и был бессмыслен как сон
а между делом клен ломался
и обращалась почва в грязь
он никому не сознавался
какая между ними связь
он отрицал и половину
при этом всякий новый раз
сидел себе и пресмыкался
когда она ходила мимо
он на ее крючок попался
подставив под заточку спину
потом нелепо удивлялся
«Я что и правда скоро сгину?»
«Так может лучше поспешить?»
«Я не успел и половину

задуманного совершить»
вот так не видя звезд хрустальных
он рассуждал
тут вспомнил лик её зеркальный
возненавидел и пропал

Четыре

грязные улицы этого города
полные неприязни
и крыс
пустыми глазницами новостроек
зияют
небесные слезы покидая карниз
лишь слегка лицо
зацепляют
идущего по тротуарам
в поисках нужного дома
где возможно изнывая от пара
ему варит суп
особа женского пола
которая много значит
не жена
не сестра
но любовница
она делает его мир ярче
в доме который еще только строится
за который не погашен кредит
и где еще не капает кран
она у окошка вздыхая стоит
и смотрит на город
весь черный от ран
он почти что зачах
вокруг него сжимаются кольца
в последних лучах
уже не теплого солнца
скользит по столу
где лист бумаги со свежими строчками
в этом городе в ночную пору
засыпает каждый поодиночке.

Пять

прекрасная пора весна
то мозг воспрянет ото сна
то мир погрязнет в талых водах
то чей-то труп всплывет со дна
а птицы в око небосвода
летят не ведая преград
грядет обширная охота
стрелять где будут всех подряд
и где никто не застрахован
чтоб между делом между словом
поймать свинца лихой заряд
но нас суд Линча не волнует
что нам убийство когда вот
огонь в конфорках не бушует
и не шумит водопровод?
что нам война что нам растленье
убийство сына воскресенье
что нам вся эта маета
коль не уплачены счета
и свет погаснет уже скоро
а из углов ползет ворох
отпетых тварей насекомых
среди которых грегор замза
корней чуковский таракан
я им без боя сразу сдамся
и всё имущество отдам
но а пока же я спокоен
пока размерен и влюблен
и нас в квартире этой двое
и мир надвое поделен
и завтраки с досугом тоже
я верил локонам и коже
да только кожа солгала
что так прекрасна и порочна
что так чувствительна и прочна
что я ласкал да еженощно
отбросив скромности за шкаф
ты пела как Эдит Пиаф

едва прикрывши наготу
я хохотал всё потеряв
я видел пропасть за версту
но что мне пропасть что овраг
смертельных солнца излучений
когда со мной в постели враг к тому же Бог к тому же гений
да только так да только так
совпал разгон сердцебиений
и в простыне да на ветру
она стоит он где-то сбоку
она прекрасна он покойник
увы любовь подходит к сроку
и как-то рано поутру
покинет дева конуру
оставив бледному отроку
счетов безмерных многотомник
с собой забрав его мечту
осыпав прахом подоконник
в прекрасную пору
весну

Шесть

Те любимые руки гонят палкой
а в голове слов набат колокола
дрожит губа ломая рот
гримаса боли вкривь лица
мне никого не жалко
и между нами
колючая проволока
да тяжеленный небосвод
цвета свинца
чем ты от других отличаешься
день впаянный на совесть в года?
тот что меня окутал
безысходностью ареста?
а у тебя бывало что прощаешься
с человеком будто бы навсегда
а через минуту
возвращаешься на прежнее место?
и наоборот
говоришь: до завтра
говоришь: потом
и чего-то ждешь
и внутри целый хор поёт
а за первым же углом
получаешь нож
в ожидавший ужина
живот?
и все города разровнялись на карте
и на мечты отныне всё равно
когда лежишь на безразлично сером асфальте
а под ладонью набухает багровое пятно
и глаза удивленьем открылись
и ты не можешь понять отчего
всё так получилось.

Семь

Всевышний Бог все видящий сквозь ветки
готовит мир прожечь дождем
но что он может против девки
что колесницу поцарапает гвоздем?
что против шлюхи может век
той самой что притянет вниз
в своем падении прекрасная как снег
она кричит мне уважайте труд актрис
как тех кто отдается вам за деньги
в разгар любовного спектакля
ты отпадаешь выжатый до капли
за пару вздохов до счастливой смерти
пусть пролетит твой грех по городам
мне ближе всех Москва на мятой сотне
я всех люблю я с призрачной часовни
стреляю в головы идущим по делам
ведь нет пощады в пыли по углам
в распятиях морщин
да помутневшем взоре
частицы будут плыть звеня в тиши
на миг сойдясь в немислимом узоре
и расписавшись матом на заборе
загнутся цифрами которых не сложить
и с колокольни басом рухнет звон
но что мне он когда лежишь безвольная
а перепонками играет влажный стон
шикарной женщины
той несоизмеримой
стреляй в меня пусть ничего
не пролетает мимо
пусть слезы обернутся в соль
а сало в мыло
я завещаю людям боль
то редкое что не теряет силу
в стаканах жизнью
требухи

то самое что стало пресным
лишь не пиши стихи
ведь это
никому не интересно

(с) О. ТАСУПОВА

ТАМАРА ЕРМОШКИНА

Родилась в 1993 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Призер Всероссийского конкурса молодых журналистов, пишущих на социально значимые темы «Вызов XXI век». Обладатель стипендии Главного управления молодежной политики Челябинской области. Публикуется впервые.

Осень

Гремучая осень, теряющая на ходу
Перчатки и зрелость.
Я скажу – уходи, но буду иметь в виду,
Что тебя слишком мало.
И пятна морей на твоём лице
Не оставят в пространстве целость.
Я прошу: «Уходи»; но без голоса я,
Без идей, без астрального тела.
А бурлящая брага небесных орбит
Закругляет мое движенье.
Я смотрю на тебя. Мир сегодня разбит
На попытки сделать нежнее
Все, что ниже Его, и сильнее дыры
В моих пальцах, касающихся кожи.
И царапают руки кусочки коры,
Вырывая меня наружу.

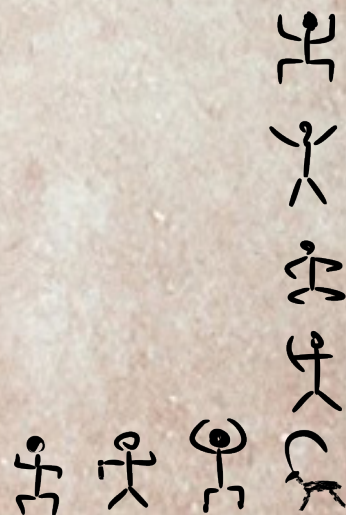
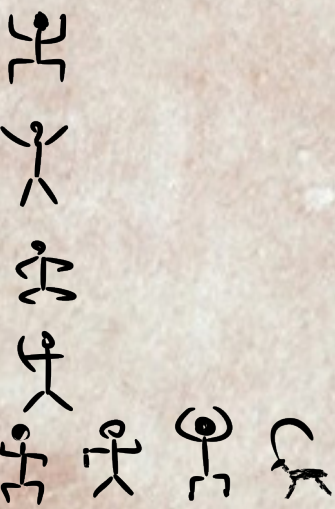
Дождь

Дождь идет, хотя он стоит, точнее летит.
Дождь не капает... ни на мозги, ни на нервы,
Дождь молчит.
Дождь холодный струится, в дожде есть кислота.
Дождь давно уже знает, что рядом с тобой не та.
И когда ты идешь под зонтом ярко-красным или под цвет шарфа,
Дождь помнит, какая ты рядом с ним была.
Как смотрела хитро, руки в карманы скрыв,
Он тебе: «Милая»; ты ему новый срыв.
Он тебе: «Здравствуй»; а ты ему никогда
Ни тепла, ни кофе, ни даже сна.
И он стоит на балконе, не чувствуя ни ветра, ни мокрых брызг,
Он набирает тебе, снова идя на риск,
А дождь все струится, так же, как раньше шел.
— Милая, ты промокла? — Нет, все хорошо.

Дождь пройдет, закончится, настанет пора тепла,
А вы так и будете трубки бросать со зла.
Находиться в таком кругу, что не выйти и не разбить.
Дождь пройдет, вода высохнет, а ты так и будешь плыть.

Напиши

Напиши мне все, что угодно,
Хотя бы размер ноги.
Напиши, что в Хантах холодно.
Хуже нас
Люди злые и дураки,
Что танцуют дабстеп, а поют не джаз.
Про себя в детстве или меня во сне,
Напиши, как падает снег или не падает снег.
Как меняются звезды на небесах,
Про дыхание, тающее в волосах.
Я смеюсь, я прячу в карманах мысль.
А стареющий Тор
слышал про нашу высь?
Видел ли мой забор?
Напиши мне про мышь,
Цепкими лапами рвущую на куски...
Не смывая следы тоски,
Просто меня услышь.
Напиши.

Вся твоя жизнь — маленькая и цветная —
Спрячется в двух листах.
Ты от этой Луны — золотая.
А душа твоя словно взмах.

Беззаконный, упрямый, острый,
Не укол и даже не яд.
Ни архангел, ни царь, ни монстр
Не носили похожий взгляд.

Сила слова, как легкий камень
Расточила твои узлы.
Била ты по оконной раме,
А теперь отвернись и лети.

Племя

*И дай нам сил, чтоб разрушить чужую программу,
Заложенную именем, местом или семьей
В нашу маленькую судьбу.*

Я оглядываюсь и замираю.
Рядом люди-фонарики и светлячки,
Люди, перед дракой сжимающие кулачки,
Скрещивающие пальцы и крошечные мечи.
Так, что мысли слепнут,
Попадая под их лучи.
Ты и сам выглядишь немного инопланетно,
Тут нечего и говорить.
А люди вокруг — бесхребетны,
Их слишком просто рассыпать или сломить.
Скажи, что ты не из этого города,
И даже не из страны.
И это не твое племя, где щекочут за воротом
И целятся со спины.
И это не твое племя, не твоего рода,
Не твоей старины.

Юле

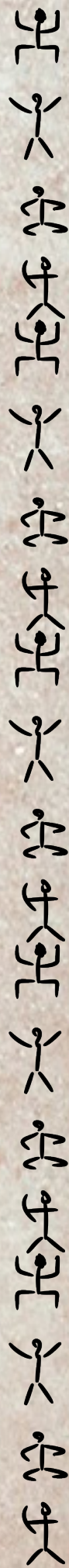
Небо туманится.
Бесконечно стекают люди
По каждой его щеке, затекая под рукава.
Только отчаянные
Заливают его причалы,
Чтоб не горчило, навешивая замки.
Ты разглядываешь начало,
Ты становишься целым миром.
Остаются за бортом и сказочники, и моряки.
Небо тяжелое, небо стучит по трубам.
Оно трудится больше тебя и меня.
Небо прекрасно, как встреча двоих влюбленных,
Что забывают на третьей минуте
свои имена.

Небо туманится.
Бесконечно стекают люди.
И высыхают, не оставляя следа.

Не сыпь песком — мои глаза закрыты.
Я дальше от тебя на сотню сцен.
Я запинаюсь — все колени сбиты,
И кровь стучит быстрее в крыльях вен.

Не гладь рукой — больнее стекловаты,
И медленно распластаны киты.
Мои мечты слегка холодноваты,
В моих глазах расколотые льды.

Не уходи — мне очень странно
Увидеть твою тень в толпе.

Цикл «Скандинавские мифы»

Друг мой Пак

Я положу хлеба и уголек
В твой рюкзак.
Путь неясен, и путь далек,
Друг мой Пак.

Раздари все некупленные стихи,
Мелочи раздари.
Птицы будут спешить в твои сны,
Беззаветные до зари.

Все коробочки ночи и дня
Для друзей своих потроши.
Не жалея одиноким огня
В глубине души.

А ты светел, как мотылек, —
Вдаль лети!
Знаю, кто-то тебя увлек
На твоём пути.

Сказки

Здравствуй, милая, я изучаю сказки.
Сказки про Пака, Вигрид и Железный лес.
Я помню, как ты уходила вчера с опаской,
В глазах затая черно-сливовый блеск.

Я не читал ни заклятий, ни предсказаний —
Ты же колдунья из нас двоих.
Так я мечусь от счастья до состраданья,
От ненависти до бесконечной любви слепых.

Здравствуй, родная, и сразу — до скорых встреч.
Странно и небо, и твой невеселый вид.
Меня посвятили в рыцари — выдали меч,
Но не сказали, против кого идти.

Сказки меняются, крутится белый шар,
Солью и порохом пряча любой изъян.
Милая, милая, где твой волшебный дар,
Который не даст нам распасться на инь и ян?

ВАЛЕРИЯ ЛИТВИНЕНКО

Родилась в 1995 году в городе Магнитогорске, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. С 2010 по 2013 годы занималась в магнитогорском литературном объединении «Мечта», сейчас — член творческой мастерской «Взлетная полоса».

В 2013 году издала книгу «Прольется дождь сухим вином».

Столетний порог одиночества,
Столетние потуги выжить.
О, ваше Щелкунье Высочество,
Скребутся в душе вашей мыши!

Душа из гнилого арахиса
Не скроется в серых яругах...
Сто лет. Круговерть. Как у Маркеса.
По старому новому кругу.

Сто лет и еще день на выселках,
А завтра – усядусь на царство!
Престол, коронация с крысами,
И в норах – лишь страх да мытарства!

Столетний порог одиночества,
Столетние потуги выжить...
Написанный гулкою ночью стих
Доели голодные мыши...

На рукавицах января
Искрится снег.
В ладонях – горькая заря
Рябин красней...

Я сердцем вновь и вновь ловлю
Забывтый сон.
Молюсь не богу – королю
Под праздный звон.

Сорвется дождь сухим вином,
И воздух пьян.
А на тропе твоей давно
Растет бурьян.

Вокруг тебя кружилась мгла
Под ревы труб.
Упрямо складка пролегла
У милых губ.

Седлаю черного коня
Да на ветру..
Я отберу тебя у дня,
Я отберу!

На удачу лей в бокалы терпкий брют!

.....

Я пишу письмо от скуки ноябрю!

В смуглых звонницах – заутренний пеан,

И надменно ждет зари седой платан...

Поминай меня в молитве и во сне,

И когда задушит землю белый снег,

И когда из всех заоблачных горнил

Разольются волны сумрачных чернил.

За три дня до недописанной строки

Я исчезну, не подав тебе руки.

Пусть горят в осенней стыни фонари...

.....

На прощание — глоток сухой зари.

ВИКТОРИЯ ЛИЦКЕВИЧ

Родилась в 1992 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Член творческой мастерской «Взлётная полоса» и литературного клуба «Парнас», победитель «Первого Челябинского Поэтического батла» 2013 г., дипломант второй степени в номинации «Поэзия» в литературном конкурсе «Стилисты добра» 2013 г., дипломант первой степени в конкурсе «Восхождение на Парнас» 2013 г., участник городских поэтических встреч «Чтецы», 1 место в номинации «Поэзия. Профи» в литературном конкурсе Весна студенческая 2014, шорт-лист Южно-Уральской литературной премии 2014.

Как участник и победитель Межрегионального совещания молодых писателей в Бугуруслане получила право на издание книги стихов «Онемевшие танцы».

*— не ходи туда
— я тихонечко, осторожно*

осторожничать — это не двигаться в темноте.

1.

И с собой говоришь на неммыслимом языке.
На замочную скважину сядет синенький мотылек,
Ты нащупаешь дверь, и пылью останется на руке
Его тайный, бессмертный ночной полет.

2.

И язык онемевает, слова сожмет. Между щек
Стаи музык устанут спать.
Посмотри, там, из скважины, ответ стек
И упал длинным крылышком на кровать.

3.

Мотыльки знают: из темноты на свет
Выбираются только без фонаря.
Открывается рай, смерти больше нет —
Мотыльки возрождаются из огня.

Онемевшие танцы

На носок. Неотрывность от пола легка.
Пара рук. Пара сбившихся крыл мотылька.
Тишиной кто-то взмахи случайно спугнул.
Всё бездвижно. И сон без меня уснул.

Все нерезко. И время не носит часов.
Окон нет. Нет в квартире ничьих голосов.
И срывается что-то бессловное с уст.
Света нет. От бессветия воздух густ.

Онемевшие танцы. Закрытость глаз.
Мы одни. Только тьма отрывает нас.
На носок. Ты на ощупь неразличим.
Льется звучность, хотя мы с тобою молчим.

Опус одного дня

Три.

Взмах.

А за ним — все услышавший ветер касается окон гремящей усмешкой.

Непрозрачные стекла сегодня теплеют как будто иначе.

Темнота не становится больше кромешной,

В магазинах на свет поменяли всю сдачу.

Два.

И день растворим, развеян,

Завтрак жмурится в самой плохой из кофеен,

И автобусы ластятся, прикосновений требуя кожей,

И всё это так незаметно, и всё это так на что-то похоже.

Раз.

И все совершенно ясно. Свет высыпается из рукавов под ноги.

Час охрип. Час сбивается с нужной дороги.

Засыпает вчерашнее только под вечер.

Жди меня на углу. Я тебя обязательно

встречу.

Пауза.

Закрывает глаза целый мир.

Только деревья шумят обессловленными листьями.

Не заходи в самую открытую из квартир,

Где есть свет и где всё объясняют стихами.

Безнебесье

Путаясь в пене птичьих крыл,
В кронах домов, таясь у стропил,
В плеске воды из гибких труб,
В многоголосьях сотен губ

И меж дорог, в дрожи полей,
Через соцветия сохлых ветвей,
Щурится незасыпающий глаз
И безнебесье смотрит на нас.

Будущее никогда не станет возможным.
Врастают деревья в холмы по самую грудь
И тонут, макушками тянутся вверх осторожно,
Деревья не могут, не могут тонуть.

И там, где темно и где сон не отступит от листьев,
Сквозь шелест глубокий бывают слышны слова:
«Я близко, о, небо, я каждой жилкой близко», —
И только стволы обнимает трава.

Деревья кричат, и их пот сквозь кору проступает,
Их листья становятся легкими и летят,
А рядом со школой в «умру-не умру» играют
И держат под курткой еще слепых котят.

Классификация бабочек

моей сестре

Так и будет: ты вырастешь, клены
Тонкой веткой (моею рукою)
Ровно-ровно разделят пробором
Твои волосы, ярче пшеницы,
(я вплетаю в строку за строкою),
И мне снится-не снится, что птицы

Поменяют цвет крыльев и хором
Распоются, почувствуешь горлом,
Как холмы, и трава, и как реки
Заполняют тебя, и секреты
Остаются на кончиках пальцев,
Что-то шепчет, куда идти дальше.

Ты растешь и змеишься всё выше,
Достаешь подбородком до крыши
И не горлом, а ошупью чуешь,
Как взлетаешь, пока ты танцуешь,
Как ложишься всем телом на ветер,
Пока клены растут на рассвете.

Правда, промокли в субботу, зато ночевали в облаке.
В кронах деревьев бывают отмели и прилив.
Птицы качаются сонные и исчезают в окрике
Мутного ветра, и ветер становится молчалив.

Кажется, горы крадутся по следу птичьему,
Кто-то бросает камешки, или от их шагов
В небе — круги, незнакомые нашему человечьему,
Мы засыпаем, а завтра начнем с азов.

Проступающий почерк на листьях. Опавший клен
Серым облаком сверху глядит из-за ломких век,
Пока ветви воруют облик у мелких рек
И качаются, словно плывут. Проступает сон.

Листья льются, сбегая от ветра, а ветер слеп:
Гладит волосы кленам и холод впускает внутрь,
А потом засыпает, не помнит вчерашних утр,
И наощупь их ищет, пока проступает свет.

А дрожащие клены крадутся к воде. Тихи
Их ветвистые волны, пока шелестит трава,
Я не вижу их. Только мурашками ждет листва,
Чтоб осыпаться дальше: проступят вот-вот стихи.

ИАНА НОИЦКАА

Родилась в Одессе, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Публикуется в интернет-изданиях и поэтических сообществах различных социальных сетей, ведет блог на просторе Живого Журнала под псевдонимом София Соколова, где выкладывает свои стихи, выступает с чтениями в андеграундном клубе «Зоо» в Челябинске, альтернативном клубе «Нирвана» и на квартирниках творческой молодежи в Екатеринбурге.

Оловянная принцесса (с)

говорят, что по осени у всех депрессия.

говорят, что по осени

от всей этой мороси,

желтизны-серости,

усталости,

шаткости

проще повеситься

или без умолку веселиться.

говорят, что по осени, все рушится,

надламывается, затихает

и медленно сходит на нет.

мне уже надоело кричать,

что я живая,

ластиться,

тереться носом о шею

и ничего не получать в ответ.

«Достоинному»

я скрываю тебя,
как волчица
матерая
раненная
с язвами
вдоль сердца и главной аорты.
зубами на прохожих лязгаю,
раздираю мимолетным бабочкам нутро.

я скрываю тебя,
берегу,
прячу,
утаиваю...
нет сил моих.
мне тебя подарил Бог,
в тот момент когда Ангел сник,
когда дрожь поражали ресницы.

Мне с тобою так сладко спится,
что не хочется больше уже кому-то присниться,
или от отчаяния очаровательного спиться.

я скрываю тебя,
боюсь за тебя,
постоянно волнуюсь,
заплетаю тревоги в язвительных фраз букет.
Мне так страшно однажды проснуться,
не с тобой,
не услышать «привет»,
«с добрым утром», «ну вот и рассвет».

Я скрываю тебя,
ты — мое,
я к тебе привязалась.

Милая, что-то давно о тебе не слышно!
Ты же сама себе посвящаешь стихи,
в них ты не пишешь ни то чем дышишь,
ни даже того в какие дни у тебя нули.
Там не прочтешь ни твоих страданий,
Ни нотки влюбленности в новое нечто или ничто,
Нету рассказов о «самом-самом»,
Нету и мыслей на тему себя,
Жизни, любви и других отвлечений.
Я так давно не читал твой последний крик,
Как обещаешь покончить с этим,
Отрастить волосы или же бросить курить,
Как тебя нежно ласкает кто-то,
Или о том, как ты бесконечно одна,
В сущности, в каждой прошедшей строчке
Мысль была все одна и та.
Милая, я так давно о тебе не слышал,
Даже боюсь, что ты умерла.

Америка

Доброе утро, Америка!
Ты, со своим пеплом гниющим нутром,
Остаешься сиять с того,
Давно уже чужого мне, берега —
там, где быть мне с тобой не дано.

Доброе утро, Америка!
Как ты там? Все не решаюсь спросить.
Хотя, мне все так же доносятся мэйлы,
Что ты, выбиваясь из сил,
Все же смогла — с ногами, покрытыми язвами,
Подняться и выдавить из себя
Всю эту мерзость, всю низость, все пакости;
Развеять на трех ветрах бытия.

Доброе утро, моя дорогая Америка!
Где ты там? Этот вопрос меня гложет свинцом...
Нет, даже, знаешь, потоком кипящего олова
Покрывает мое, давно разлагающееся нутро.
Где ты, с каким процветающим Островом,
Греешь свои истощенные нежные берега,
И какими непрошипованными розами
Он посыпает границы тебя.

Доброе утро, Америка.
Знаешь, меня перестал волновать вопрос:
Где ты, с какими и что ты делаешь.
Просто ответь мне лишь на одно:
Милая, дорогая Америка,
Кто ты? Я так тебя не узнал.

ЕВГЕНИЙ СИНИЦКИЙ

Родился в 1991 году, живёт в Челябинске, магистрант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета.

Дипломант второй степени в номинации «Философская лирика» в областном поэтическом конкурсе, посвящённом 95-летию со дня рождения Л.К. Татьянической 2010г., дипломант первой степени в конкурсе «Восхождение на Парнас» 2011 г., один из организаторов поэтических вечеров «Каменоломня».

Тополь-паралитик

Уродливые ветки тополя
мне снятся...

И кто-то хочет спрятаться —
мне снится —
за шкафом, под кроватью
мало места.

И он шипит, пытается
мне сниться.

У тополя так много пальцев —
снится —
они кривые. Тополь — паралитик.
Его раскачивает ветер,
как мать больного сына
в люльке.

баю-бааай
засыпаааай
баю-бааай
засыпаааай
я тебе принесууу
я тебе принесууу
из лесууу из лесууу
сон-травыыы
сон-травыыы
до зариии
до зариии
спи уснии
спи уснии

Чёрная точка
перед глазами
не уходит,
не даёт пройти,
что-то сказать хочет,
зрачки уже сузились
и...
закрываю.

Открываю.
Их становится две.
Начинают свой танец.
Три — по кругу.
Четыре — бегут друг за другом.
Пять — никто никого не найдёт.
Шесть — и не пойдёт искать.
Семь — хоровод.
Восемь — петля.
Девять — темно,
пора.

Бражник

выбирайся из кокона,
раздирай его лапками,
хоботком
разрушай свой дом

я сижу на стекле
и смотрю на людей,
а они на стекло,
а за ним...

на людей
за стеклом
смотрят люди
как собаки
бегут
друг за другом,

как собаки
ищут приют
и не смотрят
по сторонам,

только свист —
врассыпную —
так и ты убегай
от меня,

пока я за стеклом.

осыпается осень
горстью
грецких орехов
прогорклых
от влаги

я тебя не вспомню
[ты говорил]
я тебя не помню
[в машине сказал]

и вспомнил грецкие орехи...
холодец, в котором попалась кость
и в горле осталась —
врачи вытаскивали
а я проглотил —

стал холодный
вязкий
желатиновый.

Тень

1.

тень сбежала
витрину разбив
в ноге гвоздь
руки в стёклах
попала под дождь
простыла
промокла
и сдохла

2.

тень сбежала
от хозяина
по помойкам шарила
стала бомжом
и её закололи
ножом

3.

тень сбежала
к другому
из тела родного
в тело чужое
и растворилась —
влюбилась.

Экскурсия

Грязные, загазованные тополя
рядом с просевшим, недостроенным домом —
вид из окна.

Как выйдешь из подъезда —
колония для малолеток.

Вглядеться чуть дальше —
интернат для престарелых инвалидов.

Весной они ползают пьяные,
волоча за собой ошмётки,
культи, обрубки,
тонут в лужах...

Пойдёшь прямо, мимо общаг
под номером 3 и 7.

С ними связано как минимум 3 поджога киоска,
который всё время отстраивают на том же месте,
и 7 убийств.

В апреле этот микромир самодостаточен.

Всё смотрится очень гармонично в этом гетто.

во дворе
на скамейке сидит
в халате татарском
в очках
седая
толстая
старая
пьяная
смотрит на проезжающие мимо
девятки
а внутри неё

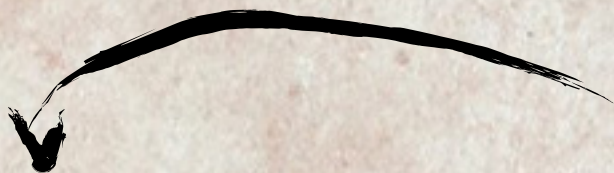
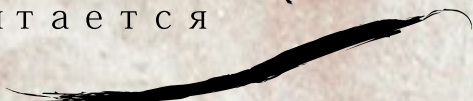
перерождение души карма бог голоса водка

диабет цирроз печени ожирение белая горячка

дочь Пьет бьет Из Дома выгоняет сука такая что бо насдохла
снимает очки
и ревет.

Я стою на балконе.
Луна поднимается
над баракон.
Я курю на балконе.
Не боюсь заболеть
раком.
На балконе
на втором этаже
фикус,
фиалка.
Краем глаза слежу,
чтобы меня не заметила
эта алкостаруха,
а то начнёт...
Докуриваю.
Кидаю бычок.
Шпингалет. Щелчок.

у него отёк мозга
белыми облаками пеленой
над чёрной рекой
пар
циркулирует
туда-сюда
клетка делится
не открывается
вращается дверь
кто-то пытается
внутри

у него слиплись веки
брови покрылись золой
от сигаретного пепла
тушили бычки
и плевали в лицо
болото яма могила
могчая явля велкая сла

внутри
оранжевый дым
фиолетовые огни
синие пальцы
сломанные костыли
серые птицы
изуродованные тела
детских двориков
красные купола
традиционные девятки
ортодоксальные
шестёрки
строительные палатки
живительные семёрки
покосившиеся ларьки

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

Я закрываю дверь

закрываю

закрываю

закрываю

поворачиваю на

четыре оборота

проверяю

проверяю

проверяю

проверяю

дёргаю девять раз

за ручку

один ДВА три че ТЫре

во СЕМЬ девять

спускаюсь на

первый этаж

поднимаюсь

и дёргаю за ручку

ещё три раза

так

чтобы пальцы...

и когда я из —

помню:

я закрыл

я закрыл...

я закрыл?

я закрыл.

Ручка двери

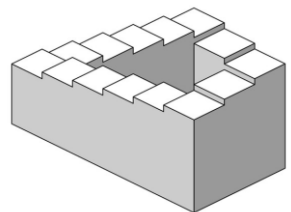
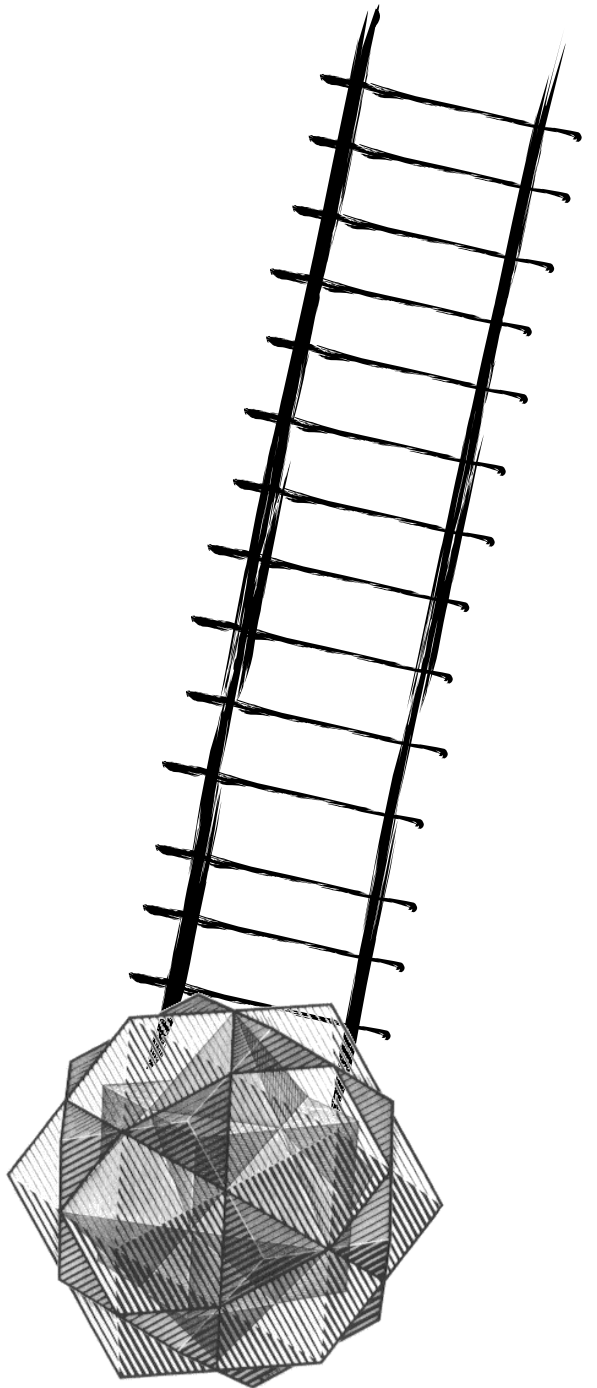
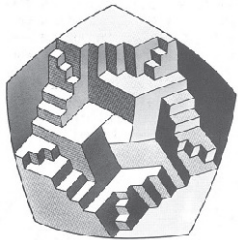
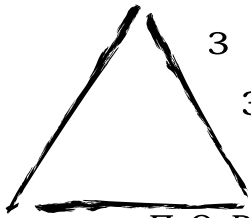
отпечаталась,

жжёт

жжёт

жжёт

ЖЖёт.

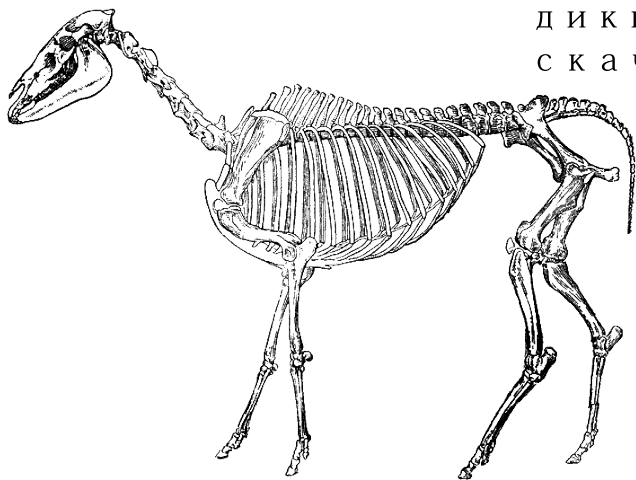
*ОКР - обсессивно-компульсивное расстройство

Г о л ы е к о с т и

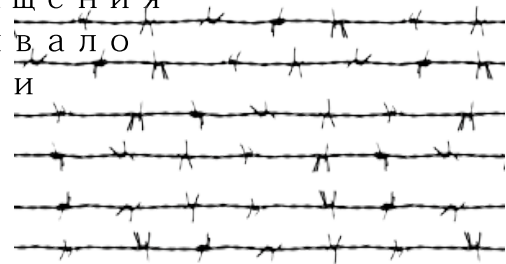
в 7 утра проезжает колонна
КамаЗов
они едут закатывать
мясо

дикие лошади
скачут

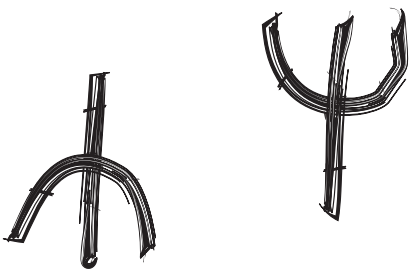

тебя правда лечили ЭСТ?
это средневековье
в какой-то больнице
в свердловской области
терапия отвращения
тебя выворачивало
когда мелькали
эти картинки
кадры

в 6 утра
едут ЗиЛы
мужики в кузовах
держат вилы
ими легче колоть
похотливую плоть
и насаживать мясо
для колонны
КамаЗов

сами смотрят и
скалятся
потные ладони
по ночам...
днём сидят
нога на ногу

и закатывают в бетон
и закатывают в бетон

дикие лошади
скачут
по новым
винницам
аушвицам
освенцимам
и я слышу их
топот

МАРИЯ ТАТАРЕНКОВА

Родилась в 1992 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Лауреат журналистской премии им. Аркадия Гайдара 2010 г., победитель конкурса в номинации «Эссе» в литературном конкурсе «Астафьевские чтения» 2010г., лауреат литературного конкурса «Тайны камерного театра» 2013 г.

совсем не хочется писать двусмысленные фразы
о моей жизни, абсолютно не нужные никому.
и всё норовит как-то запутаться в тексте, зараза,
когда жизнь гораздо проще. сожги бахрому
ночи, она всё знает про нас и меня, в частности,
но молчит — ей дороги свои тайны дымные тоже,
она нас предаст/не предаст их скрипучей гласности.
убить бы жестоко ее, да мне помнить дороже
твои
отражения.

точно бы, четко бы знать, что
ты не мой и я не твоя тоже.
хотелось поверить бы в то,
что будет еще тебя дороже
другой, чужой пока человек.
и я буду также дышать им,
ощущать и слышать его вовек,
по морям бы ни плавал каким,
чувствовать половину себя,
вздрагивать от его передрыг,
и ладони в кровь себе расшибая
ждать. но такой вот косяк —
не ты ли он?

ДАРЬЯ ФЕДОСЕЕВА

Родилась в 1990 году в Челябинске. Первые публикации стихов, прозы и статей состоялись в школьном возрасте в газетах «Шаг за шагом», «От 7 до 17» и «Творческий союз». На данный момент учится на факультете журналистики ЮУрГУ, работает корреспондентом. В 2012 году вышел первый сборник автора «Душа-дитя», в который вошли ранние стихи, рассказы и пьеса. Стихотворения автора опубликованы в таких электронных альманахах, как «Причал», «45 параллель», в журнале «Стержень», в печатных изданиях – челябинских альманахах «Антология одного стихотворения» и «Светунец». Проза опубликована в журнале «Метелица» и на немецком сайте SHOTS/STORIES. В 2013 году стала лауреатом литературного конкурса «Стилисты добра» за отрывок из романа «Тюремная жена». На Межвузовском литературном форуме имени Гумилева «Осиянное слово» в Москве роман получил Гран-При.

В поисках русла

Есть мудрые реки: в них много запруд,
Букашки на листиках мирно плывут;
В них плещется рыба, а воды как мед —
И кормят, и поят они круглый год.

Есть мутные реки: воды в них — до пят,
Боятся преграды, змеино шипят,
Петляют и вьются, кривы от излук —
Местечко любимое жаб и гадюк.

Есть бурные реки — прогресса рычаг,
Что лижут обрывы, тигрино рычат,
Ворочают камни почти без труда,
Энергию дарят и топят суда.

Есть реки-уродцы, болотный застой,
А ступишь ногами — песок золотой.
Есть реки прозрачные, словно ручьи,
А воду попробуешь — жжет и горчит.

Все реки планеты открыты не зря,
Но мудрые чаще впадают в моря.

Ты не будешь моим царем, твое царство — тлен.
Я тебя опровергну, как тысячи теорем.
До тех пор, пока не взойдет над Землей Плутон —
Не взойдешь на трон ни с пряником, ни с кнутом.
Не удержишь в руках ни скипетра, ни копья,
Потому что тебя на трон усадила я.
Но не будет в моей молельне других богов,
Но не будет моим запястьям других оков,
Не склоню головы перед взглядом других икон:
За тобой, за тобой пустовать остается трон.

ПЕШЕРА ШОВЕ В БЛИЗИ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДА ВАЛЬОН-ПОН-Д'АРК НА ЮГЕ ФРАНЦИИ

У липы, у липы ветви налиты
Отчаянным ритмом, дыханьем сбитым.
Не бойся, прохожий, запачкать куртку,
Погладь ее кожу, постой минутку.
Она проросла стебельком наивным —
А ей на макушку седые ливни.
Она — для цветов на созвездьях веток,
А ей — холода законных клеток.
Созвучным скрипом нас ветры склоняли,
Ведь мы с этой липой срослись корнями.
Случайный прохожий, ты взглядом меток:
Дождись же цветов на созвездьях веток!
Зловещи коряги в покровах тени,
Но ангельски белы они в цветении.
Погладь ее кожу — иди далече,
Цветущую липу касанье лечит.
Пусть липовый цвет над тобой свисает —
Ты сам исцелишься ее касаньем.

Как рыба дышит глубиной,
Ты дышишь мной.
И в жабрах, вздутых от воды —
Мои следы.
От влажности соленых ласк
Ты стал глазаст.
Плыви! Но безрассуден бег,
Когда во мне ночлег и хлеб,
И блики медной чешуи
Твои — не больше, чем мои.
С непритяжимых полюсов
Влечет тебя подкожный зов.
Как необъятной глубиной,
Ты полон мной.
Бескрайним телом скрыт моим,
Как прежде, ты неуловим.
Но связь порвав, но боль уняв,
Ты отречешься от меня —
И в жабрах, вздутых от песка,
Вся сушь и зной материка.
Недосягаемый волной,
Ты даже мертвый пахнешь мной.
Как рыба — глубиной.

ELYA OCEAN

Родилась в 1995 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Участник выставок детско-юношеского творчества в Выставочном центре Союза художников; участник конкурса «Челябинск глазами детей»; участник международного конкурса «Одиссея разума» в составе группы от факультета. Публикуется впервые.

Страшно

Что мы делаем, когда нам страшно?
Ночью прячемся под одеяло.
Голову полностью накрывая,
Представляем себя отважными.

Что мы делаем, когда нам грустно?
Вечером хочется выдавить слезы,
Очень медленно засыпаем,
А утром мечтаем не проснуться.

Что мы делаем, когда мы счастливы?
Мы бежим, не осознавая,
Что теряем самое нужное
То, что больше не возвращается.

Дельфин

Дельфины — это морские птицы.
Они кружат в глубине надежды,
В том океане где-нибудь между
Двумя стихиями. Тебе не снится!
Это дельфин улетает в море!
Это дельфин постигает небо!
Но кто дельфином никогда не был,
Тот не прочувствует шум прибоя.

Улетим зелеными птицами
К океану зеленых надежд,
Аккуратно взмахнув ресницами
В изумрудных оттенках одежд.

Нужно только освободиться нам.
Убежать из розовых мест
Цвета фуксии барбарисовых
С сладко-приторных королевств.

Мы, наверно, сказать отважимся,
Пролетая под каплями лет,
Что в зеленой стране окажемся,
Что полюбим зеленый цвет.

Клеопатра

Рыжая рыба рыла ров.
Сделала сдуру сорок садов.
Первому, пятому, пятидесятому,
Нужному, нежному, но необъятному,
Толстому, тонкому, толерантному,
Страшному, сильному, смелому, страстному,
Черному, четкому, честному, частному,
Круглому, красно-коричневому,
Фиолетовому, фенотипичному,
Желтому, жизнерадостному,
Оранжевому, огнеопасному,
Белому, безобразному,
Зеленому, зоркоглазому,
Гривастому, гармоничному,
Дредастому, динамичному,
Ласковому, лиричному,
Нервному, необычному,
Игривому, истеричному
Дарила дареных даров,
Кормила кудрявых коров.
Вот такая была
Рыжая рыба-пила
С именем звучным — Клеопатра...

АЛЕНА ВЕЛИКОВА

Родилась в 1988 году, живет в Екатеринбурге, окончила ЮУрГУ в 2012 году с дипломом «Магистр филологии». Публикуется впервые.

Сказка, рассказанная дождем

Я люблю ходить под дождем. Слышишь? Так больше никто не умеет. Капелька за капелькой, крохотные дождевики, ты и не заметишь одну. Но их много, они падают и летят с огромной высоты, оттуда, в наш мир, маленькие посланники небес. Кап — это нота, кап — еще одна, и вот весь лес шумит, напевая мелодию дождя. Здесь много необычного. Взгляни на лист. Вот этот, что сорвался с ветки и упал, и теперь лежит подле камня. Не видишь в этом ничего особенного? Ты просто не умеешь смотреть. Взгляни еще раз. Капли падают, и вскоре возле камня образуется лужица. Верно, ручеек. Смотри-смотри. Видишь? Лист вздрогнул и поплыл. Мимо камня, мимо веточек, подгоняемый дождевиками. Знаешь, куда он попадет? Отвечать не надо, просто смотри. Слышишь, шумит за деревьями? Это ручей. Идем скорее! Вот он. Плышет, закручиваясь в потоке. Что он увидит, путешественник? Ручей скоро выведет его из тени деревьев и понесет через поле. Во-он то, где виднеются потемневшие от сырости стога. Там стоит телега, и лошадь понурила голову, вздрагивая от прикосновений падающих сверху капель. На телеге рогожа, а под ней кто-то сидит, спрятавшись от заставшей врасплох непогоды. Скоро лист проплывет торопливо мимо, но успеет услышать обрывок разговора, пусть и не высказанного вслух. На миг он станет свидетелем чьей-то судьбы. Сколько всего он мог бы поведать! Там, дальше, деревушка. Лист проплывет мимо мостков, с которых девушка полощет белье. Мелкий дождь ей не помеха, лицо ее печально. О ком она думает? Возможно, о возлюбленном, что не пришел сегодня, возлюбленном, для которого она вплела красную нарядную ленту в русую косу волос. Не печалься, девушка! Он не пришел, потому что конь захромал, и кузнец кует подкову, но он помнит о тебе. Сейчас он стоит под навесом и, глядя в морозящую даль, вспоминает твой нежный голос и ласковый взгляд. И в руках его свежая роза, на бархатных лепестках которой дрожат, словно слезы, дождевики. Не печалься, девушка!

Ручей поворачивает вправо, и деревушка исчезает за пышными кустами ольхи. Впереди крутой мостик, изгибающий спину, словно шаловливый котенок, над берегами, поросшими осокой. На мостике стоит мальчик. На нем зеленый дождевик, и из-под мокрого капюшона виден вздернутый нос, покрытый озорными веснушками. Мальчик положил одну руку на поручень

моста, другую поднес к глазам, делая вид, что сжимает подзорную трубу. Он видит не узенький ручей и шумящую под дождем темно-зеленую летнюю листву. Перед ним раскинулось вспененное море, широко расставленные ноги крепко стоят на просмоленной палубе, и ветер рвет над ним белые паруса. А в подзорной трубе трепещет черный флаг с Веселым Роджером. Капитан отдает приказ, и команда приветствует его дружным кличем, корабль дельфином рассекает темные волны, преследуя пиратское судно, напавшее на королевский фрегат. Пираты похитили корону и принцессу, и храбрый капитан полон решимости вернуть царский венец и спасти королевскую дочь. Судьба благоволит ему: пираты трусливо прыгают за борт, и принцесса дарит ему свой платок. Bravo, мальчик! Пройдет десяток лет, и ты действительно отплывешь в далекое море на своем корабле.

Лист проплывает под мостом и торопится дальше, мимо разнотравных лугов. У берега стоит навес, и под ним сидят старик со старушкой. Видно, дождь застал их в пути, и они поспешили укрыться под старым навесом, под которым в летнюю страду ночевали косцы. Старик сед и морщинист, старушку согнули года. Но посмотри на них! Разве жизнь ослабила их любовь? Возраст состарил их тело, но не дух, и взгляд по-прежнему молод. Они пережили две войны и четверых детей, они видели и прошли через многое, но разве это сломило их любовь? Взгляни в их глаза. Они сияют, ведь в них смотрится небо. И одна старческая рука бережно поддерживает другую. Счастливы те, что нашли друг друга и не ошиблись!

Лист плывет и плывет. Ручей становится шире, берега раздаются, и вода выходит на бескрайний простор, сливаясь с небом. Сквозь морось и туманное покрывало туч пробивается свет, падает на траву, и от их соприкосновения рождается волшебное семицветье. Оно льет вверх и вниз, в воздушный простор, и дождь, скатываясь, рождает все новые и новые крутодугие ленты. Они взмывают над горами, лесом, лугами, охватывают мир и вдруг рассыпаются, разлетаясь тысячами живительных водяных искр...

Как появился мир

Потрескивало пламя. Странные тени плясали по стенам, и искры, вспыхнув, взлетали и гасли. Старуха, вытащив изо рта давно потухшую трубку, говорила голосом, таким же старым и покрытым трещинами, как стены пещеры. У костра стало совсем тихо.

— Давным-давно всюду была черная тьма, и не было ни верха, ни низа, ни воды, ни суши. И были ей многие сотни тысяч лет, а может, день — того не знает никто, ибо времени тоже не было. Была тьма, и не было ничего, пока не спустился во тьму Дудочник. Он пришел, или родился из тьмы — то неизвестно. Он взял в руки тростинку, поднес к губам и заиграл мелодию. Вначале он играл грустную песню, и звезды, которые он привел с собой, заплакали. Так появилось море, и вода в нем соленая до сих пор. Потом он заиграл тихую песню, и звезды уснули и упали в море. Так появилась земля. Дудочник встал на нее, притопнул ногой, склонил голову и заиграл веселую песню. От этой песни стало светло, и родилось солнце. Оно посмотрело на землю, и под взглядом его стала расти трава и распустились первые деревья. Тогда Дудочник перестал играть, перевернул тростинку, встряхнул ее, и из нее посыпались облака. Так появилось небо. Потом Дудочник снял башмак и кинул его, и из башмака выросли горы. Дудочник рассыпал пуговицы от кафтана, и там, где пуговицы упали на горы, появились первые звери, на деревья — птицы, а из пуговиц, упавших в море, возникли рыбы. Дудочник посмотрел кругом и снова решил заиграть на тростинке, но в тростинке застряло облако, и она больше не хотела играть. Дудочник рассердился и бросил тростинку на землю. Тростинка переломилась на две половинки, и так появились первые люди. Дудочник посмотрел на них и рассмеялся, потом взмахнул своей шляпой и пошел прочь. И от смеха его первые люди ожили и научились говорить. Солнце светило, Дудочнику стало жарко, и он скинул свой плащ. Плащ упал и окутал всю землю, и так появилась ночь, а из ниток плаща возникли гады ночные.

Старуха замолчала и принялась посапывать трубкой. Притихшие дети молчали, а потом кто-то спросил:

— А что было дальше?

Старуха тряхнула головой, и монетки в ее волосах зазвенели.

— Дудочник ушел. Его тростинка сломалась, и ему больше нечего было делать.

— А куда он ушел? — спросила маленькая девочка.

— Наверное, он пошел за новой дудочкой, — предположил какой-то мальчик.

— Ведь та сломалась.

— А он любил играть.
— Но он же мог сделать новую?
— А может, не мог?
— Нет, он пошел не за дудочкой. Он гулять пошел. Я люблю гулять! И он тоже.

Дети заспорили. Старуха загадочно улыбалась, сжимая в зубах потухшую трубку, а тени плясали на стенах, и вспыхивали и гасли на лету искорки.

ПЕШЕРА КУЭВА-ДЕ-ЛАС-МАНОС, ЮГ АРГЕНТИНЫ. ДАТИРОВКА: 9 ТЫС ДО Н. Э. МЕЗОЛИТ.

Сказка про маленький ветер

Маленький ветер был еще совсем маленьким — он родился на рассвете, от дыхания зари, и первое, что он увидел, было всходящее над вершинами гор солнце. Маленький ветер раскрыл рот от удивления и упал на ветку — такого он никогда не видел. Он вообще еще ничего не видел, ведь он только родился. Маленький ветер с любопытством оглядел дерево, чьи зеленые листья тихонько перешептывались — сплетничали. Листья посмотрели на ветерок и зашуршали еще громче. Потом на ветку сел воробей и задорно чирикнул.

— Ты кто? — спросил его ветерок.

Воробей снова чирикнул и потер лапкой нос.

— Воробей, — сказал он, — а ты кто?

Ветерок задумался.

— Не знаю. Ведь я только что родился. А что такое красивое и большое светится там, далеко-далеко?

Воробей подскочил на ветке.

— Солнце, — чирикнул он, — круглое, желтое и очень-очень теплое. Правда, скоро оно закроет глаза и уснет, и станет очень холодно.

— А что такое холодно? — спросил ветерок.

Воробей задумался.

— Холодно — это когда кругом бело, и ветер колет и жжется снежинками, а лапкам больно стоять на ветке, а крылышкам — лететь. Вот что такое холодно.

— А что такое тепло? — не унимался ветерок.

— Тепло — это когда кругом все зеленое, и много вкусных мошек, и хочется петь. Вот что такое тепло.

— И скоро станет холодно и не будет тепла?

— Да, — чирикнул воробей и улетел.

Ветерок задумался. Солнце взошло и теперь светило высоко-высоко. Ветерок совсем пригрелся и задремал. Чирикали воробьи, мычали на лугу коровы и жарко грело солнце. Ветерок вдруг подумал, что ему очень хорошо и совсем не хочется, чтобы наступало белое холодно. Он покрутил головой, но знакомого воробья рядом не было. Тогда ветерок слетел с липовой ветки и нерешительно облетел вокруг пышной темно-зеленой кроны. Летать оказалось совсем легко, ветерок засмеялся и полетел еще выше — выше гор.

Он полетел к солнцу, чтобы попросить его не спать подольше, ведь иначе станет холодно, и не будет мошек, и крылышкам будет больно летать. Он летел и летел, и земля внизу становилось все меньше и меньше, но солнце не стало ближе. Оно светило, круглое и желтое, высоко-высоко, и ветерок совсем выбился из сил.

Он устал, запыхался и решил вернуться обратно, отдохнуть и снова начать свой полет. На ветке уже сидел воробей и чистил коготком клюв. Ветерок рассказал ему, что хотел попросить солнце не закрывать глаза и не засыпать, но у него не получилось долететь. Однако он немного отдохнет и снова попробует. Воробей неожиданно рассмеялся.

— Чик-чирик! — сказал он. — Какой же ты глупый, маленький ветер! Разве до солнца можно долететь? Оно высоко-высоко, и ни один воробей не заберется так далеко.

— Но как же тогда быть? — расстроился ветерок.

— Чирик-чик! — сказал воробей. — Солнце все равно уснет, ведь все спят. Но оно проснется, и тогда снег растает и превратится в ручьи, появится зеленая трава и вырастут цветы, и снова будет много вкусных мошек.

Воробей дочистил клюв и улетел ловить мошек, а ветерок остался на ветке. Солнце всегда будет светить, и цветы расти, и воробьи летать, и коровы мычать на зеленом лугу — как хорошо!

...Я встретил на улице барабанного кота. Он шагал, оставляя ровной цепочкой следы на снегу и щурясь на яркое солнце. Потом запрыгнул на забор, уселся, обернув хвост вокруг лап, и посмотрел на меня.

Я поздоровался. Кот немного подумал, размышляя, стоит ли отвечать, и все-таки снизошел до ответа.

— Ну, здравствуй, — сказал он с хрипотцой, как и подобает барабанному коту.

— Хорошая нынче погода. — Заметил я. Я решил начать с погоды. Все-таки не каждый день встречаешь барабанного кота, а потому у меня не было заготовлено подходящих к такому случаю тем.

Кот хмыкнул.

— Погода как погода. Солнце зеленое, снег фиолетовый. Эка невидаль!

— Да-да, — поспешил согласиться я. Вдруг коту наскучит мое общество, и он уйдет?

— А вот ты одет не по погоде. — Неожиданно заметил кот.

— Почему? — растерялся я.

— Слишком легкомысленно.

Я даже повернулся вокруг себя, пытаюсь разглядеть, что же со мной не так.

— Кто ж так одевается? Ты даже респиратор не нацепил. Вот я и говорю: чересчур беспечно.

Я решил не признаваться, что последний годный к употреблению респиратор потерял вчера, пока лазал по деревьям в поисках помидорин.

А то кот точно уверится в том, что со мной и разговаривать-то не стоит.

— Просто дышится сегодня как-то... легко. — Все же попробовал пояснить я.

И кот важно кивнул:

— Дышится-дышится.

Мы помолчали. Кот глядел вдаль, я смотрел под ноги, мялся и думал, что нехорошо как-то получилось: пришел, наследил, натоптал. Вон, кошачьи следы естественно и ровно лежат на снегу, словно всегда здесь и были, а отпечатки моих подошв смотрятся несуразно и чуждо.

Кот перевел взгляд на меня и сказал:

— Проходи.

Я удивленно поднял голову. Признаться, я и не думал, что услышу эти слова. Я пришел-то просто так, просто посмотреть и, если повезет, — поговорить. Поговорить, и все. И уйти обратно.

Но барабанный кот повторил:

— Проходи. Помрешь же ты там... Беспечный, — бросил он чуть презрительно. Спрыгнул с забора и вновь пошел по снегу, легко печатая тонкую цепочку ровных круглых следов. Я все стоял, а он вдруг обернулся и сказал:

— Жалко вас, дураков.

Дураков... Действительно, дураков. Я вздохнул.

И пошел за котом.

ТАТЬЯНА НИКИТИНА

Родилась в 1994 году, живет в Челябинске, учится на факультете журналистики Южно-Уральского государственного университета. Публикуется впервые.

Сирота

Петр Иванович и Елизавета Владимировна пришли на станцию за полчаса до прибытия поезда.

Погода стояла ясная и солнечная, приятный ветерок придавал легкости шагам, но Петр Иванович к чему-то вспомнил холодные одинокие зимние вечера в пустой избе бабки, которой его отдали после рождения.

«Что это со мной?» — вздрогнув, спросил он себя и промокнул чистым платком лоб.

На станции в то воскресенье почти никого не было. Ходил только дворник с новой метелкой, лениво вычищая перрон от пыли.

— Пусто сегодня, — сказал Петр Иванович, оглядывая станцию. — И каштаны не продают.

— В воскресенье каштаны никогда не продают.

Они сели на одну из пустых деревянных скамеек и стали смотреть то на часы Петра Ивановича, то в ту сторону, откуда должен прийти поезд.

— А день-то сегодня хороший.

— Хороший день, — подтвердила Елизавета Владимировна, посмотрев на ясное небо. — Я послала Алешу к деревенским, за продуктами. Вечером устроим большой ужин в честь приезда Екатерины Александровны.

— Верно, верно.

На станции появились двое: девушка в поношенном коричневом пальто и мальчик лет семи-восьми. В одной руке у девушки был аккуратный небольшой чемоданчик, в другой — маленькая ладошка мальчика, который послушно шел подле нее.

Девушка эта была роста невысокого, с худым бледным лицом и грустными глазами. В ее походке подмечалась еще какая-то детская неловкость, неуклюжесть, будто она спешила на что-то решиться.

Рыжеватые волосы были убраны под старую простенькую шляпку, которая скрывала опущенные глаза под тенью козырька.

Девушка посадила мальчика на скамейку и, поставив рядом их багаж, велела ему ждать ее здесь. Он кивнул, послушно придвинулся ближе к чемоданчику и стал ждать, разглядывая маленького деревянного человечка в руках.

Петр Иванович и Елизавета Владимировна все так и сидели, время от вре-

мени обмениваясь мыслями и наблюдениями. Их не переставала радовать погожая погода и хороший теплый ветерок.

Делясь своими размышлениями, Петр Иванович заметил, что прошло уже около пятнадцати минут, а мальчик все еще сидел один.

Одет он был скромно и по-простому, из-под помятой черной фуражки выглядывали светлые волосы с рыжеватым отливом.

Деревянную игрушку, что он вертел в руках, украшала небольшая красная ленточка и привязанный к ней крохотный бубенчик.

Эта простенькая, на первый взгляд, игрушка снова вызвала в Петре Ивановиче воспоминания, от которых его бросило в холодный пот.

В самую холодную зиму, что он помнит, к ним в деревню приезжал барин и раздавал детям игрушки, особенно приглядываясь к тем, что осиротели. Затем сын его стал ездить вместо отца. Как зима наступит, так приедет в деревню с игрушками, а маленькие озорники только и рады. Но для Петра Ивановича эта игрушка была как старая, давно зажившая, но незабытая рана.

«Опять старухина изба, опять проклятая зима и одиночество. Да что за напасть сегодня?» — подумал он, вновь доставая из кармана платок.

А вот красная ленточка шептала ему о чем-то другом, что так близко, но еще смутно крутилось в голове.

— Можно ли к Вам обратиться, молодой человек? — сказал мальчику Петр Иванович.

Тот поднял на него глаза и поправил кепку, под которой пропал даже маленький белый нос.

— А что это за затейливая вещица у Вас в руках?

Мальчик с удивлением взглянул на игрушку, а затем поднял ее на уровень глаз.

— Вот эта?

— Эта-эта.

— Просто игрушка. С ней еще моя мама играла. В деревню тогда приезжал добрый помещик, который раздал всем детям такие игрушки.

— Припоминаю, припоминаю. Вот почему красная ленточка вызвала во мне воспоминания, я же сам с Максимом Александровичем тогда в деревню ездил.

— И правда, Петр Иванович, — сказала его спутница со взглядом просветлившимся. — Сам Максим Александрович вырезал. Еще юным тогда был. И все по образцу отцовскому.

— Вот только года не припомню... уж что-то близко к дате, но столько, сто-о-о-лько годочков прошло.

— Вы тоже в Петербург? — спросил мальчик.

— Нет-нет, — ответил Петр Иванович. — Мы ждем госпожу нашу. Тебя

звать-то как?

— Да Митенькой зовут меня.

— Имя хорошее, хорошее. И что же вы в Петербурге делать будете, Дмитрий?

— Там брат мамин живет. И жена его. Поедем к ним, здесь у нас никого не осталось. Мама шить умеет очень хорошо, работа будет.

На станцию, свистя, прибыл поезд, напустив дыму и пыли. Из открывшихся вагончиков стали выходить пассажиры, держа в руках чемоданчики и дорожные сумки. Объявили, что поезд простоит всего десять минут и тут же стали проверять билеты тех, кто ехал в Петербург.

Петр Иванович и Елизавета Владимировна поднялись на ноги и стали высматривать Екатерину Александровну.

Митенька тоже встал, взяв в руку чемодан. Он стал оглядываться, стараясь заметить в проходивших мимо людях знакомое коричневое пальто. Но никто не проходил. Он отошел подальше от скамьи, встал посередине платформы, чтобы его было лучше видно, и стал ждать, беспокойно поглядывая по сторонам.

Появилась Екатерина Александровна — молодая женщина с красивыми темными глазами и черными волосами, которые благородно подчеркивали ее бледную ровную кожу. На ней было богатое бледно-розовое пальто и аккуратная шляпка. Руки скрылись под черными перчатками, а ножки были обуты в новые выходные сапожки.

— Добрый день, Петр Иванович, — сказала она улыбнувшись.

Он помог ей сойти со ступеней вагона и принял багаж, пока Екатерина любезно здоровалась с Елизаветой Владимировной.

— Что за чудесная погода для возвращения домой, не правда ли? Скорее бы увидеть папеньку и Максима.

— Они ждут вас еще со вчерашнего вечера, и распоряжение дали готовить большой ужин к приезду. Сейчас самое время для вашего любимого яблочного пирога, яблочки у нас румяненькие, наливные.

— Как хорошо, как же хорошо! Петр Иванович, давайте же отойдем. Поезд, кажется, уже отправляется!

Петр Иванович стоял, отвернувшись от них. Он смотрел на Митю, который покраснев, все еще ждал, когда за ним придут.

— Петр Иванович! — позвала Екатерина, убежденная, что он ее не слышал.

Он и правда не слышал. Перед глазами его снова была изба, зимний вечер и барская деревянная игрушка, как вестник беды.

Петр Иванович подошел к Митеньке и осторожно, ласково, позвал его.

— Митя! Митенька! Где же твоя сестра? Поезд же отправляется!

Растерянный, мальчик обернулся к нему и страх в его глазах проткнул Петра Ивановича словно иголка.

— А сестры у меня нет.

— Как же? Кто с тобой тогда пришел?

— Мама моя. Вот и она! Она-она! — мальчик увидел садящуюся в вагон девушку в коричневом пальто и, сорвавшись с ног, бросился к ней. — Мама!

Словно мышонок, он пробежал мимо высадившихся пассажиров, к тому вагону, куда только что села девушка.

Но беда: двери захлопнулись, словно постановляя четкий приговор. Митенька отскочил назад, запутался в ногах и упал на холодную, грязную землю перрона.

Глаза его были широко распахнуты и прикованы к толстым стеклам, через которые можно было видеть только что зашедших пассажиров.

— Мама... — прошептал он, наблюдая за тем, как девушка в шляпке бежит по вагону.

Поезд засвистел и быстро тронулся.

Митенька встал на ноги и, не теряя надежды, взял в руки чемоданчик. Он гнал за ускользящими окнами с силуэтом матери, пока перрон не обвалился, преградив ему путь. Митя бежал, теряя на бегу слезы, которые срывались с его глаз, да все звал ласково: «Мама, мама!».

Вагоны закончились. Поезд ушел, а Митя остался на платформе. Он бросил чемоданчик на землю, а затем рухнул на нее сам, закрывая лицо испачканной в станционной пыли рукой.

— А кто этот мальчик? — спросила Екатерина Александровна со слезами на глазах.

— Сирота, — ответила Елизавета Владимировна.

Екатерина прижала руки к груди и медленными шажками направилась к Митеньке. Она обошла вросшего в землю Петра Ивановича, подошла к мальчику, и, наклонившись, спросила:

— Как тебя зовут, маковка моя?

— Митя, — ответил он, не отнимая руки.

— Митя, — повторила она. — Что ж Митенька, пойдём, нас уже ждут.

ЛЕВ ЮДИН

Родился в 1991 году в г. Кыштыме, живет в Челябинске. В 2013 году окончил Южно-Уральский государственный университет по специальности «Филология». Учится в аспирантуре по специальности русская литература.

Айнсам

Была глубокая ночь. За окном шел сильный дождь, а вагон был пуст. Мерный стук колес, попадающий под ритм сердца, успокаивал Айнсама. Он попробовал разглядеть что-нибудь за окном, но, кроме кромки, которая разделяла верхушку леса и небо, ничего не было видно. Ветер резко усилился, и окна вагона начали потрескивать. Казалось, что они не выдержат, треснут и ливень затопит вагон.

Айнсам укутался в плащ. В вагоне было довольно холодно, поэтому промокшие плащ и ботинки никак не высыхали. Легкая дрожь побежала по телу. Айнсам поднялся и пошарил руками по карманам, пытаясь найти сигарету.

«Странно... Я же не курю», — подумал Айнсам.

Действительно, странно. Но, тем не менее, Айнсам решил пройти по вагонам в поисках людей, у которых можно одолжить сигарет.

Айнсам прошел в следующий вагон. В самом конце вагона сидел мужчина. На вид очень старый.

«Жаль, что не девушка», — подумал Айнсам.

Почему жаль? Айнсам подошел к мужчине и попросил закурить.

«Но я же не курю», — снова подумал Айнсам.

Ради такой истории можно покурить, ты так не считаешь? Нет? Разреши, я продолжу.

Старик недовольно побряхтел и протянул Айнсаму мятую пачку сигарет.

— Спасибо, но я не курю, — сказал Айнсам.

Что значит, не курю? Мы же договорились, разве нет?

Старик удивленно посмотрел на Айнсама и обратно спрятал пачку. Старик посмотрел и... Посмотрел и... Черт! Из-за тебя я потерял нить повествования! Почему просто нельзя было взять пачку сигарет? Можно было же не курить, а просто взять.

«Но я не хочу ни курить, ни брать сигареты», — подумал Айнсам.

Ну, хорошо, хорошо. Просто сядь рядом со стариком, ладно?

Айнсам сел рядом со стариком. Дождь продолжал лить. Почему-то в этом вагоне было теплее.

— Куда вы направляетесь, странный юноша? — спросил старик хриплым голосом.

— Домой, — ответил Айнсам.

Домой? Ну, и где же ты живешь? У тебя амнезия, и ты не знаешь куда едешь. «Амнезия? Но я все прекрасно помню», — подумал Айнсам.

Помнишь, значит? Ну, хорошо. Сейчас поезд попадет в аварию, ты сильно стукнешься головой и все забудешь.

«Эй! Таких мер не нужно. Если ты так хочешь, то я могу все забыть», — подумал Айнсам.

— Я не знаю, куда еду. Я не помню ничего. Вот, очнулся в этом поезде и пришел сюда за сигаретами, хоть я и не курю, — ответил Айнсам старику. — Дела, — протянул старик и почесал подбородок.

Все время, пока старик говорил, он чесал свою левую ногу и сильно морщился.

«Так. Мне не нравится этот старик! Толкай поезд в аварию, разбивай мне голову, заставляй курить, но только убери этого старика отсюда!» — Подумал Айнсам.

Ладно, ладно. Пускай будет девушка вместо старика.

Девушка провела пальцем по нижней губе, поправила прядь волос, которая сползла на лоб и, закрыв глаза, откинулась на спинку сиденья.

Лучше?

«Определенно», — подумал Айнсам.

— Как вас зовут? — спросил Айнсам. Но девушка не успела ответить, она быстро встала и ушла, поскольку в этом рассказе Айнсам не знакомится с красивой девушкой.

«Отлично», — подумал Айнсам и недовольно уставился в окно, за которым продолжал идти дождь.

Айнсам попробовал что-нибудь вспомнить, но, вопреки моему желанию, он резко встал и побежал в следующий вагон, в который ушла девушка.

Но там никого не было. Айнсам побежал в следующий вагон. Но и там никого не было. Айнсам побежал в следующий, и в следующий, и дальше, и дальше... Но никого нигде не было. Вообще, Айнсаму стало казаться, что он бежит по кругу. Вагоны были слишком похожи друг на друга.

«Решил загнать меня в лабиринт? Где кабина машиниста?», — подумал Айнсам.

А с чего ты решил, что она здесь есть? Да и не лабиринт это вовсе. Здесь нет большого количества путей и тупиков, нет иллюзии выбора. Здесь одна дорога — бег по кругу. И ты совсем один, погнавшийся за добычей и оставшийся ни с чем. Нужно было сидеть и слушать старика.

Айнсам побежал в обратную сторону, но вагоны также повторялись один за другим.

Знаешь, мы стали приближаться к сути моего рассказа. Сколько не бегай, ты ни к чему не прибежишь. Возможно, стоит просто остановиться и оглядеться.

Айнсам замер на месте.

Да, вот так. Приглядись. Может быть, ты никуда и не едешь, а просто катаешься по кругу?

Поезд резко остановился. Айнсам подошел к окну и открыл его. За окном не было ни дождя, ни ветра. За окном светило солнце.

Как тебе? Солнце и утро, лучше ночи и дождя?

«И на том спасибо», — подумал Айнсам и вылез через окно наружу.

Вокруг раскинулось бескрайнее поле с холмами на горизонте. Неподалеку был лес, свистели птички, кружили бабочки. Айнсам, глубоко вздохнув, сделал несколько шагов вперед. Мокрые ботинки противно хлюпали, а плащ тянул вниз. Айнсам их снял.

Вокруг было так спокойно и красиво, что и Айнсам и я забыли для чего мы здесь.

...

Я снова потерял нить повествования. Нужно начать сначала.

Свет вокруг погас. Айнсам снова почувствовал на своих ногах мокрые ботинки, а на плечах тяжелый плащ. Вагон продолжал мерно отстукивать ритм сердца Айнсама. По окну барабанил дождь. Была ночь. По-прежнему хотелось курить.

Айнсам тяжело вздохнул. И пошарил руками по карманам, но ничего там не нашел.

Айнсам пошарил еще раз. Но снова там ничего.

Айнсам, наверное, не посмотрел во внутреннем кармане плаща. Опять пусто.

Во внутреннем правом кармане твоего мокрого плаща, Айнсам! Холодные руки достали пачку сигарет. Там осталась одна штука.

Айнсам с жадностью закурил.

Закурил сигарету.

Поджег один конец и через другой ртом начал втягивать дым.

«У меня нет огня», — злорадно подумал Айнсам.

Нет огня у тебя?!

Вдруг резко в крышу вагона ударило несколько молний, и крыша загорелась. Красно-желтым пламенем покрылась вся крыша вагона. Прикуривай, Айнсам!

Айнсам поднял сигарету к пылающему потолку. Огонь быстро обхватил всю сигарету и обжег руку Айнсаму.

«Весь в тебя», — подумал Айнсам.

Тебе нужно перейти в другой вагон, здесь небезопасно. Иди, я пока тут приберусь.

Айнсам прошел в следующий вагон. Первое, что он увидел перед собой, когда вошел в вагон, —

Лежащие посреди пола сигареты и спички. Айнсам усмехнулся и закурил.

«А в этом что-то есть», — подумал Айнсам, выпуская дым.

«А знаешь, давай сюда старика», — подумал Айнсам.

Выкурив одну, Айснам спрятал остальные в карман мокрого плаща. В этот момент в вагон вошел старик. Он оглядел весь вагон и, заметив Айнсама, подошел к нему. Пока старик шагал, от его левой ноги шло какое-то позвякивание.

— Занято? — напряженно спросил старик. — Нет, присаживайся, — ответил ему Айснам.

Старик с трудом уселся.

— Закурить не будет? — как-то замямвшись, спросил старик.

Айнсам протянул старику пачку сигарет и спички. Тот закурил и, как показалось Айнсаму, немного расслабился и размяк.

— Далеко едете? — поинтересовался Айнсам.

— Да нет. В М...н, — ответил старик.

«М...н? Что это значит?» — подумал Айнсам.

Ну, это такой прием, указывающий, что название места не имеет значения. В данном случае прием помогает мне скрыть настоящее название места.

— Домой едете? К семье? — спросил Айнсам. — Нет. У меня нет дома. Я бездомный. Просто еду дальше. Не на месте же сидеть, — старик как-то тяжело выдохнул. — А семьи у меня нет уже. Не стало. Жена умерла. В аварию попала вместе со мной.

Старик немного наклонился и задрал левую штанину. Вместо ноги у него был железный протез ноги.

— В аварию попал, пьяный был, — продолжил старик. — И жену за каким-то хреном с собой потащил. Ее-то сразу на смерть, а сам только вот, ногу потерял. Можно еще сигаретку?

Айнсам отдал старику всю пачку.

— А после смерти жены сын повесился. Малой еще был, к матери привязан сильно, я-то его не воспитывал практически. Все меня винил. Кажется. Я плохо помню, пить тогда начал.

Старик начал копошиться в своем старом рюкзаке. Айнсам глядел в окно. Уже светало, когда поезд начал потихоньку тормозить.

— Ну, вот и моя остановка, — сказал старик. — Я пойду.

Старик вышел из вагона. Айнсам продолжал сидеть молча.

За окном он видел старое здание вокзала, сломанные скамейки на перроне, вокруг которых крутился толстый кот.

Айнсам резко встал и быстро вышел из вагона, видимо, опять пытаясь сбить меня с толку.

Куда ты? Ты должен быть в вагоне. Тебя еще ждут персонажи.

«Вот сам с ними и катайся. А я уйду», — подумал Айнсам.

Ты не можешь уйти! Ты же главный герой. Без тебя ничего не получится. Я так долго выбирал тебе имя.

«Айнсам? Что это вообще за имя? Что оно значит?» — подумал Айнсам.

Сам придумал. Оно значит одинокий.

«Значит я одинокий? Прощай», — подумал Айнсам.

Он пошел в сторону вокзала. У вокзала были деревянные двери. Айнсам вошел в них. Но получилось так, что он вышел из вокзала прямо к вагону. Айнсам попытался вернуться, но произошло то же самое.

Ты не сможешь отсюда уйти. Это же мой рассказ.

Вокруг Айнсама резко погас свет.

В полной темноте он почувствовал, что он сидит, и сиденье двигается в такт с его сердцем. Он услышал звук воды, бьющейся об стекло. Почувствовал, что ноги и плечи намокли. Открыв глаза, он увидел, что за окном ночь.

«Пожалуйста, подожги потолок еще раз, и я поднесу туда уже не сигарету», — подумал Айнсам.

Тебе так неприятно находится в моем рассказе, что ты хочешь покончить с собой?

Айнсам встал, подошел к окну и открыл его. На большой скорости движущегося поезда, капли дождя превращались в маленькие льдинки, которые обжигали лицо и руки Айнсама. Он высунулся в окно и увидел, что поезд едет по высокому мосту, который, как показалось ему, возвышался над облаками. Куда и откуда ехал поезд, видно не было. Айнсам по пояс высунулся в окно. Шляпа с его головы, подхваченная ветром, улетела вниз.

Что ты пытаешься доказать Айснам? Что ты управляешь своей жизнью? Что ты хозяин своей судьбы и сам делаешь свой выбор? Ты решил убить себя, выпрыгнув из окна? Попробуй.

«Чуть выше. Ты мое имя с ошибкой написал» — подумал Айнсам.

Он скинул свой плащ и выпрыгнул в окно. Огромный орел, который вылетел из-за поезда, подхватил Айнсама за шиворот, подлетел к окну, из которого он выпал, и закинул его туда.

Ну, что?

«Откуда здесь этот орел?!», — Подумал Айнсам.

Из «Властелина колец». Я же говорил, что это мой рассказ.

Айнсам снова подошел к окну, но все окна вдруг куда-то исчезли в поезде.

Пожалуйста, давай продолжим мою историю. Проходи в следующий вагон.

Айнсам прошел в следующий вагон. Здесь была уже ночь, и по-прежнему шел дождь. На скамье, рядом с собой, он увидел мокрый плащ. Айнсам надел его.

Достал сигарету и закурил. За окном один за другим сменялись столбы, которые тянули толстые черные провода, свисавшие до земли. В этот момент мир Айнсаму показался чем-то огромным и безграничным. Бесконечное пространство, состоящее из мириад маленьких частичек и клеток. Большой механизм, начиненный болтами и гайками, где он, Айнсам, всего лишь одна из деталей.

«У меня опять ощущение, что я еду по кругу...» — подумал Айнсам.

Может быть, да. А, может, и нет. Я еще не решил.

«Мне уже надоел этот поезд, который никуда не едет», — подумал Айнсам.

Думаешь, стоит сменить декорации? А на что конкретно?

«Не знаю. О чем будет этот рассказ?» — подумал Айнсам.

Об одиноком человеке, который потерял себя. О человеке, рядом с которым бездомный, виноватый в смерти своей жены и своего сына, кажется живее, чем он сам.

«Кажется, я не совсем справился с этой ролью», — подумал Айнсам.

Ну, да. Получилось у тебя неважно.

«И все?» — подумал Айнсам.

Была еще мысль через тебя показать всех людей. Но с какой целью я уже не помню. Как-то эта идея отвалилась по ходу.

«И что теперь?» — подумал Айнсам.

Сам решай.

Дождь закончился. Солнце встало. Поезд остановился. Двери открыты.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЧТЗ ИМ. МИХАИЛА ЛЬВОВА

ЯНИС ГРАНТС

Родился 1 февраля 1968 года во Владивостоке. В связи с военной службой отца жил в Советской Гавани, Ленинграде, Кирове. Учился на историческом факультете Киевского государственного университета. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного Флота. После службы остался в Заполярье и работал на торговых, рыболовецких судах, буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску.

В Челябинске живёт с 2002 года. Публикации в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «День и ночь», «Крещатик» и других. Лауреат Независимой поэтической премии П (2008). Автор книг поэм и стихотворений «Мужчина репродуктивного возраста» (2007) и «Бумень. Кажницы. Номага» (2012), а также детского сборника «Стихи на вырост» (совместно с Дмитрием Сиротиним, 2011). В издательстве Марины Волковой готовится к выходу книга детских стихов «Больше всего на свете».

Вплоть до закрытия вёл авторскую рубрику «Молодые голоса» в телепрограмме «Новости культуры – Южный Урал», руководит поэтической секцией литературного объединения ЧТЗ имени Михаила Львова.

«ДРЕЛЬ» И ЕЩЁ

Дрель

с первой же дрелью проходит мой сон.
(сплошь хиросима –
сны мои). прыгают блюдца на восемь персон
с бешеной силой.
пляшет стена, как трухлявый забор.

[как же так вышло:
с тех самых пор и до сих самых пор
ты не звонишь мне.
не поднимаешь гудки от меня.
(сплошь хиросима –
наша любовь). бережёшь от меня
сына и сына].

дрель то закахнет, то вновь – тут как тут –
в череп вонзится.
в зеркале пыльные блики плывут,
в памяти – лица.

[что там стряслось у тебя на войне?
помнишь ли, симми?
чтоб на курорте. вот так. при жене.
чокнутый симми.

рыбка-бананка на сладкий кусок
ловится, симми?
дрель ты наставил на правый висок?
помнишь ли, симми?
солнце не кончилось! симми, смотри:
катится мимо!]

сплошь хиросима вокруг. и внутри –
сплошь хиросима.

Дома

Анастасии Афанасьевой

...корой в наростах в жилах сетчатых
как заблудившиеся сны
где раны будто бы залечены
хотя они обнажены
и в годовые кольца сложены...

корнями жгущие гранит
качаются над бездорожьями
непроходимые на вид
линяют выцветшими перьями
врастают в небо наугад
дома

и кажутся деревьями

а люди тоже шелестят

Необратимость

красная рыба вражды
рыщет сюда и туды
по коридору общаги
мокрые ставит следы

этот к перилам приник
видно попал под плавник
и отрывает кусками
свой слишком русский язык

как новогодние льды
лампы мерцают и ды-
мятся по старой побелке
запахи кислой еды

я трёхколёсный эскорт
папиных тапок и шорт

памятью папа заснежен
а если честно то стёрт

Муха

кожа не чувствует муху, ползущую вверх,
живородящую яйца на скатанный мех.

я как мертвец, и лежу неподвижно на дне
этой квартиры, случившейся в этой стране.

книг чешуя, аллергический запах часов,
стулья свисают со всех часовых поясов.

муха ползёт по ноге – без вражды и вины.
будто страдания *кем-то-там* отменены.

Тик-так

день промок.
и ты промок,
добираясь вплавь.
закрывайся на замок.
сковородку ставь.
жарь яичницу из трёх.
кофе заваргань.
(просто дура! дура, Лёх!
дура, а не дрянь!)

ты излечишься (тик-так).
справишься (тик-так).

только это всё не так,
даже если так.

Ничего не случится

одиноким птицы,
пролетая над бездной че,
разбиваются о края.

ничего не случится
(с нами), пока на моём плече
засыпает рука твоя.

и пока по утрам
у меня во рту –
клубок из волос твоих,
я нисколько даже и не умру.
и никто из нас.
из двоих.

другое – не важно (включая эти стишки).
ничего не случится, пока
пока
дворник утрамбовывает в мешки
мёртвых птиц
(граблями за бока).

РИММА АГЛИУЛЛИНА

Родилась в 1991 году в Озёрске. С 2008 года живет в Челябинске. Участник раздела «Студия» на сайте «Новая литературная карта» и лито ЧТЗ. Стихотворения были опубликованы в журнале «Транзит-Урал», в электронных журналах «Новые облака» (Эстония) и «TextOnly», в сборнике «На достаточных основаниях». В сборник стихотворных переводов поэтов Челябинска и Челябинской области «Острова и корабли» вошли переводы с английского.

Некрасивая

Твоя дочь некрасива.
Она так близко знакома с потерями,
носит в чреве целые города.

Когда она была ребенком, никто в семье не обнимал ее.
Она была щепкой, морской водой.
Близкие сказали: она напоминает нам о войне.

На пятнадцатый день рождения ты научила ее
сплетать волосы в жгут,
и окуривать их ладаном.

Ты заставила ее полоскать горло духами,
и пока она кашляла, сказала:
«Милая, такие девушки, как ты
не должны пахнуть одиночеством и пустотой».

Ты ее мать.
Почему ты не предостерегла ее,
не держала ее на плаву, как прогнившую лодку,
не сказала ей, что мужчины не будут любить ее,
если она покрыта континентами,
если ее зубы – это колонии,
и ее бедра – это границы государств?

Какой мужчина захочет лечь,
и смотреть, как мир полыхает
в его спальне?

Лицо твоей дочери – это маленькая революция,
ее руки – гражданская война,
за каждым ухом – беженцы,
все тело засорено уродством.

но Боже,
разве этот мир не подходит ей,
как идеальный наряд?

(с) О. КАСИОВА

что они сделали вчера днем

они подожгли дом моей тети
я плакала как те женщины на ТВ
складываясь пополам
как пятифунтовая банкнота.
я звонила парню который любил меня когда-то
старалась сдержать свой голос
я сказала *привет*
он сказал *варсан, что не так, что произошло?*

я помолилась,
и вот какими были мои молитвы;
боже,
я родом из двух стран
одну мучает жажда
другая в огне
обеим нужна вода.

позже той ночью
я держала атлас на коленях
пробегала пальцами по всему миру
и шептала
где больно?

в ответ звучало
езде
езде
езде.

первая мысль после того, как я вижу твою улыбку

«приди с каждой раной
каждой женщиной которую ты когда-либо любил
каждой ложью что ты произнес
и тем, что не давало тебе спать по ночам, что бы это ни было
каждыми губами которые ты разбил
всей кровью что ты попробовал
приди с каждым врагом, которого сотворил себе
и всеми семьями что похоронил
со всеми подлостями что когда-либо совершил
каждым напитком что обжигал твое горло
и каждым утром когда ты просыпался
ни с чем и без кого-либо
приди со всеми своими потерями
твоими сожалениями, грехами
воспоминаниями
провалами в памяти
секретами
приходи со всем золотом что у тебя во рту
и этим голосом словно игла скребет пластинку
приди со своими добрыми глазами и ноющими суставами
приди со всем своим стыдом
приди со своим распухшим сердцем
никогда до этого я не видела ничего более прекрасного чем ты».

34 оправдания тому, что мы потерпели неудачу в любви

- «1. Я одинока, поэтому я делаю одинокие вещи.
2. Любить тебя все равно, что идти на войну; я никогда не возвращалась прежней.
3. Ты ненавидишь женщин, как твой отец, и его отец, это в твоей крови.
4. Я бродила по кладбищу заброшенных машин в твоём сердце, искала попутку до дома.
5. Ты вымерший город, и я патриот, что не уедет.
6. Я остаюсь, потому что ты – начало сна, который я хочу помнить.
7. Я не звала его назад, он любит, чтобы его девушки молчали.
8. Не то чтобы он хочет лгать, он просто не знает правды.
9. Я не смогла бы тебя любить, ты – это маленькая война.
10. Мы покрыли запах потерь шутками.
11. Я не хотела потерять любовь, как наши родители.
12. Ты заставил странника во мне построить дом и остаться.
13. Я не собака.
14. Мы пытались доказать, что наша кровь неправа.
15. Я оставалась одинокой, так что я делала еще более одинокие вещи.
16. Да, я растерянна. Но такой же была и моя мать. И ее мать.
17. Нет, он любит меня, просто заставляет много плакать.
18. Он знает все мои секреты и все еще хочет целовать меня.
19. Ты был слишком жесток, чтобы долго тебя любить.
20. Это просто не сработало.
21. Мой отец ушел как-то в полдень и больше не вернулся.
22. Я не могу спать, я все еще чувствую его вкус у меня во рту.
23. Я срезала его под корень, он был моим любимым деревом, трухлявым, разрушающим фундамент моего дома.
24. Женщины в моей семье умирают в ожидании.
25. Потому что я не хочу умереть, ожидая тебя.
26. Я должна была уйти, я была одинока, когда он обнимал меня.
27. Ты песня, которую я слушаю снова и снова, пока не запомню слова, пока меня не начнет тошнить от нее.
28. Он послал мне сообщение: «Я так страшно тебя люблю».
29. Его сердце не было так же прекрасно, как его улыбка.
30. Мы манипулировали друг другом, покуда не решили, что это любовь.
31. Прости меня, мне было одиноко, поэтому я выбрала тебя.
32. Я влюблена без любимого.
33. Я нелюбима и мила.
34. Я принадлежу только себе».

ЕВГЕНИЙ ГОРБАЧЁВ

Родился в 1988 году в городе Рудном Республики Казахстан, живет в Челябинске. Окончил факультет экономики и управления ЮУрГУ. Публикации на портале «Мегалит». Победитель Челябинского городского конкурса «Весна студенческая-2011» в номинации «Поэзия». Лонг-лист премии «Литература-Рентген-2011», шорт-лист фестиваля «Глубина-2011». Участник лито ЧТЗ.

Толкаться

1

толкаться с двух ног и скользить над землей
толкаться с двух ног чтобы ветер казался землей
задерживать вдох и скользить над землей
задерживать вдох и повиснуть водой

а вода коренными часами
в которых отметки видны в виде пчел
а пчелы в разрезе пусты и сухи
и их мед вытекая в древесную щель сентября
выцветает и цвет его в солнце стекая
становиться белым
прилипшие птицы или кусочки материи
июньское небо или лист акварельной бумаги
гудение пчел в виде дома парящего на горизонте
замытого временем скрытого марлей

собака вросла и выла у дома
бежать не могла и кричать не могла
собака вросла и стала
осиновым пнем
на котором сидит воробей
из коричневой ткани

2

прилипшие птицы или кусочки материи
июньское небо или лист акварельной бумаги
гудение пчел в виде дома парящего на горизонте
замытого временем скрытого марлей

собака вращала и выла у дома
бежать не могла и кричать не могла
собака вращала и стала
осиновым пнем
на котором сидит воробей
из коричневой ткани

3

коровье племя плывет
и лижет траву
уплывает за реку и лес
проплывает над лесом
срастаясь с туманом
что случилось теперь
лишь белый туман
пролетает над сонной дорогой
считать до 300
или белые вспышки кругом
всё белое даже
и вечная память
и белое всё
и вечная память

ПЕШЕРЫ АЛЬТАМИРА, ИСПАНИЯ. ДАТИРОВКА: ЭПОХА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (ЭПОХА МАДЛЕН, 15–10 ТЫС. ДО Н. Э.)
СОЛЭСРЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

выкрученных рук и ног
немое глухое лето
выключенных рук и ног
немое глухое лето

по белой материи катятся
свинцовые полые шарики
по белой влажной материи
похожей на рыб
обесцвеченных рыбьей болезнью

и как маятник в бронхах и легких
как цветок прорастает в тебя
как цветок прорастал и болел
и давил в подреберье узлом

и узлы проползают по телу
то ли вглубь то ли вон
проплывают по телу узлы
ведомые божьей рукой

и качаются дни рыбьей стаей
словно хной неизбежности
и необратимости

мне снится как город
упругий прилипший к земле
прошивают канатные жилы
невыносимо стальными глотками
и несется над городом гул
замерзающий обледенелый
словно мяса кусок обледенелый
или трубы печные
город упругий и плоский как дно
приживаем мне голову
тело вращая по часовой амплитуде

мне снится в трапеции окон
беспомощный взгляд
боящийся не понимающий
сколько прошло
часовых циферблатов глотков
прошивающих город и ноги и горло
трапеция наполняется медом и воском
желтая плавь

городская река набухает
и промерзая из сердцевины
становится веной недвижимой
веной в ноге

мне снится что город
упругий прилипший к земле
плоский как дно
только круг у меня на

АНТОН КУЗЬМИНЫХ

Родился в 1997 году, живет в Кургане, учится в Курганском государственном колледже. Стихи пишет с тринадцати лет. Заочный участник лито ЧТЗ. Публикуется впервые.

Солнце глубоко внутри

* * *

Видите человека, что стоит на углу?
Он поднимает руку, требуя тишины.
Он взывает к солнцу, взывает к луне,
Он устремляет свои мысли в далекий мир.
Но хаос продолжается на улицах города.
Подобно горящей бумаге, он сжигает всё вокруг,
Грусть и отчаяние выливаются в слезы...
Но тот далекий мир может услышать его зов,
И слова, которыми он звал, стали жизнью,
Хранимой в его мозолистых руках
И отданной тем, кто будет слезно умолять его
Спрятаться от холода и дождя,
Забрать их из сумрака ночи в дневной свет...

Так бейтесь, замершие сердца,
И наблюдайте за тем, как проходят дни!..
Так бейтесь, замершие сердца,
Пока не забрезжил рассвет!
Так бейтесь, замершие сердца,
Воспряньте духом, пока день!
Бейтесь! И я покажу вам, где наша земля...
Смотри, как, словно в замедленной съемке,
Люди возвращаются к невинности...
Прикосновение к руке, многозначительный взгляд...
Когда поток на мгновение останавливается, они исчезают,
А их тела оказываются погребенными под тяжестью их тайн.
Они всегда скрывали свои истинные желания,
Но на мгновение оцепенение отступает,
И жизнь начинает биться в их глазах —
Из сумрака ночи в дневной свет...

Так бейтесь, замершие сердца,
Пока не забрезжил рассвет!
Так бейтесь, замершие сердца,
Воспряньте духом, пока день!
Бейтесь! И я покажу вам, где наша земля...

(С) О. КАСПОВА

* * *

Мы храним солнце глубоко внутри,
Пламя, что разгорается вопреки всему,
Вопреки вчерашней боли,
Мы всё же надеемся.

По воле случая, в один из дней,
Похожих на другие,
Мы вдруг чувствуем себя легче,
Плывем по течению жизни,
И для одного взгляда, что подобен свету,
Осталось сделать лишь одно признание:

Я ждал лишь Вас,
Я надеялся только на Вас,
Я шел так долго,
Пришел издалека,
Мир был огромен,
А дорога длинна.
Я ждал лишь Вас,
Никого кроме Вас,
Я ждал звука Вашего голоса,
Ваше дыхание,
Дайте же мне воздух,
Чтоб я наконец смог дышать.

Мы храним немного золота в глубинах души,
Но горькое время погасило пламя,
До того самого дня, когда внезапно
Мы решаем уйти,
Перед нашими глазами уже другие цвета,
Что же, лучше видно?
Стали мы лучше?
Когда всё снова становится настолько ясным,
Остается сделать лишь одно признание:

* * *

Мечты — вот куда мне приходится отправляться,
Чтобы еще хоть раз увидеть твое прекрасное лицо.
Я уставился на твое фото и слушаю радио.
Надеюсь, надеюсь будет разговор,
Когда мы оба признаем, что было здорово,
Но до того — это безразличие, и я знаю,
Что многое понятно,
И я чувствую, что...

Если ты спросишь, как у меня дела,
Я отвечу, что всё в порядке.
Я совру и скажу, что выбросил тебя из головы.
Но когда я уйду и сяду за стол, накрытый на двоих —
Мне наконец придется взглянуть правде в глаза:
Что бы они ни говорили — я не забыл тебя,
Я не забыл тебя.

Черт, черт, девчонка, а ты в этом хороша —
Хотя я думал, что ты невинна.
Ты взяла это сердце и протащила его сквозь Преисподнюю —
Но ты всё еще великолепна.
Я, я бумеранг: не важно, как ты меня бросаешь —
Я возвращаюсь обратно, я снова в игре,
Я даже лучше, чем раньше.
Но я даже не близок к этому без тебя.

И если бы у меня был шанс начать заново,
Знаешь, есть вещь, которую я бы не стал делать.
Я мог бы вернуться на правильный путь,
Но только если бы ты была уверена,
А до тех пор...
Я не забыл тебя.

ВИКТОР ЛИПАТОВ

Родился в 1991 году в Калуге. После одиннадцати классов школы пробовал окончить Калужский техникум электронных приборов – терпения хватило на полтора года. Работал (и работает) в колл-центрах, был менеджером представительства торговой компании «Юлмарт». В данный момент временно живет в городе Кирове. Публиковался в сборнике клуба неофутуристов за 2010 год в Германии, в калужском альманахе «Галерея» за 2010, 2011, 2012 год, калужской газете «Сапфир», электронном журнале «Новая реальность». Занял первое место в конкурсе молодых поэтов города Калуги (2012) и в калужской части конкурса, проведенного ТО «Поэтарий» (2013). Состоит в литературном объединении АЛОЭ (Москва) и объединении «Поэтарий». Заочный участник лито ЧТЗ.

Время около десяти

Утопленник

Картинка лета. Дождик всё идет.
А у меня из носа кровь идет.
И женщина по улице идет.
И я поставил ванну наливаться.
Я поставил воду наливаться
в ванну. Поставил наливаться солнце
яблоком отрешенности, дождиком обреченности.
Наливные страдания.
А дождик всё идет. И Всё идет.
А у меня из носа кровь идет.
И женщина, по-прежнему, идет,
физически я неудачно сложен,
как метод непонятен, слишком сложен,
но ведь успели сделать много копий?
Сломать успели, многим больше, копий,
чем сделали, о бронь.
И, верится мне, страх не искупает
всю оторопь, когда он искупает
...(буль-буль)... в той ванной — боль.
И даже если он визжит: «Труба!»,
и если — засоряется — труба,
в детали если — обнаружен брак,

и даже дворник дворик подметал,
сосед совокуплялся под «металл»,
а бомж бухой изгадивший подъезд
и даже если, даже если, даже ес-
ли он попал в стерильный этот бокс,
а по TV транслировали бокс
и дворник кошку матом покрывал,
сосед, не заменивший покрывал,
по телику вперялся в боевик,
а в го'рах Азии сидел злой боевик
(не то, чтоб очень злой, скорей небрит).
Ты русский или немец? Я не Брит.
Do you speak English, бляха, наконец?
(и даже если... даже если... даже...) Yes!..

Музыка прокаженных

Сколько лет миновало, сколько воды утекло с той поры как я начал упорно смотреть в стекло называемое зеркалом? Много. И с той поры я усердно пытаюсь выбраться из-под полы недовольства собой. Безуспешно. Большой урод (отпираться зачем?), инвалид, продолжающий род не увенчанный славой — не нужный, опричь, никому; по причинам известным, пожалуй, мне одному, ибо стоит ли это рассказывать?.. Макушку скребя, никому ничего не позволив решать за себя (может — это ошибки — но это ошибки — мои!) эту песню погибших, чуть было не став как они, поседевших в пятнадцать и спившихся к двадцати, я обязан допеть, я — обязан допеть!.. и дойти.

Это песня отбросов. Я панк и подонок, я шут. Это песня униженных, комплексы — их маршрут, песня всех прокаженных, дик и тяжел их шаг, это музыка ломовых: лошадь, осел, ишак, вебрь, в конце-то концов; не замутнены ничем, много горше, чем стадный зов и отчаянье чем, они движутся — марш не умеющих ночью спать, это песня отверженных, всех придурков под стать, всех ущербных и безобразных, больных, кривых (из какого ада неведомо!), я допою для них, обязуясь быть крепким, как бастион, как твердь, много крепче, чем раньше и крепче намного впредь, никому ничего за себя не позволив решать, эту песню — отверженных, дик и тяжел их шаг.

...Воскресенье. Квартира. Время около десяти. Я не понимаю как надо себя рядом с тобой вести, первый признак: я втюрился, робость и иже с ней. Тут хоть стой, хоть падай, вешайся, хоть красней!..

Ну вот и всё — и след почти — остыл,
ни лучик солнца, ни улыбка друга,
ни гной обид, ни кладбище могил —
Калуга,

пристанище ущербности, прощай!
Я в поезде, мне снился бред какой-то
навязчивый — бессонницы огниво,
сиречь тут полночь, психике щекотно,
и, выплюнув жвачку — сторяча,
я пялюсь в пол, бездумно и сонливо.

Но не совсем бездумно, под расчет,
смещая мысли по меридиану,
всё тянет затянуть: «А как насчет...»
Не стану

упорствовать, однако — смысла ноль,
коль не пророчишь золотые горы;
вокруг одни — искатели наживы, —
как в старой сказке: а король-то голый!
Все умные теперь, прям тот король.
Но рана сердца — медленно — зажила.

И потому, — грошовый лицедей,
твое страданье больше неуместно,
тебе, ты прав, не изменить людей,
но место,

как вероятность счастья — ни мала,
нарушив тем любовный треугольник
«надежды», «веры» и «любви» вестимо,
сменить возможно. Опыт — алкоголик,
жизнь — это муха с крыльями орла
застывшего на всех штандартах Рима.

Post nubila sol

Дождинки радугой повисли:
реклама первозданной влаге.

«Она читает мои мысли,
написанные на бумаге».

Жизнь, оказавшаяся пыткой,
пульсирует пятном на шее.

«Она последняя попытка
моя — я больше не сумею».

Чаще всего — привязанность похожа на огонек
бесконечно длинной спички, держи ее в комнате, нормалек,
горит, но если вынести (подробности тут опустим)
на ветер, на улицу — она мигом потухает. Допустим,
я не прав. Идеи в стиле noir.

Парень, для большинства девушек, аксессуар
вроде цепочки — большая-большая такая цепочка,
не ставя точку,

замечу: сейчас у меня совершенно по-другому.

Она называет меня коржиком. Говорит,

я не зануден только когда занимаюсь сексом и когда сплю.

Такая милаха! (— когда мы встретимся, я думаю, будет идти дождь
— почему? — счастье не бывает безоблачным) Говорит,
у меня тяжелый характер (даже очень тяжелый характер!),
но ей это нравится.

Она называет наготу — костюмом нудиста.

Чем занимаешься? Хожу в костюме нудиста — говорит она.

Блин, такая милаха! «У собачки боли, у кошечки боли, а у коржика заживи».

Так утешают детей... И меня. Пронзительная искренность!

(— ты плачешь или смеешься?

— это слезы радости, и смех сквозь слезы)

Я помню, когда мы встретились, действительно шел дождь.

Дождь — это когда тучки... злятся, говорит она. Как-то ей написал

бывший: «Ты с ним потому, что он поэт?» Сокрушалась: надо было ответить:

«Нет, я с ним потому, что у него большой член и яйца размером с твой кулак!»

Такая милаха! Я люблю ее. Я — люблю — ее...

Анабиоз pt2

И всё же я замру — морской фигурой,
замру надолго, насмерть, навсегда,
большевиком, орнаментом, авгуром,
убитой девочкой, униженной, когда

среди того — безумного порядка
десятых долей, ломок (мало ли?),
я говорил кому-то: «Я в порядке!
Серьезно, я нормально, я в порядке!»
чтоб он отстал, состарился, отлип.

И это всеми (мелко раз не всеми!)
поставив галочку на кипельных полях
заверено, заматано — поверь мне
но не сознайся, — в путах словаря,

об этом шансе — чертов mortal combat
до первой крови! Первый кто моргнул
запеленгован будет... и запомнен...
...Я не могу! Я — жить так — не могу!

Любой ценой (во что бы то ни стало!)
я всем скажу с последней прямоотой:
«Я развлекать стихами вас не стану!
Не стану развлекать вас!» Мизантроп,

по тропам города (от края и до края!)
брожу я, словно что-то здесь ищу
(а я давно и ничего здесь — не ищу!),
плачу долги, — да ноги — волочу,
и каждый день — немного — умираю»...

Сократ — Протагору

Знай, потому, что поэзия — губит (неволь — не неволь)
тех, кто ее — созидает, — лелеет, — немного стоя,
блудная боль, возвратясь, заменяет фантомную боль.
Я не уверен пока, но любовь, боюсь, возрастное.

Теплому слову давно предпочел я теплую вещь:
пусть она молчалива — зато действительно греет.
Долго искавший смерти, я мог положиться весь
только на одеяла... на лампочки... на батареи.

Я тяжел на подъем, ну а падать мы все мастаки.
Речь находит на строки, как волны: одна за другою.
Долго искавший смерти и чуть не нашедший-таки,
знай, я не подорожал — по-прежнему малого стою.

Самостоятельный житель (дольше чем просто давно)
гладких, обугленных стенок мышцы наполненной кровью,
подозреваю о том что — страстное сердце дано
мне, в этом корень всех бед. Рассказы у изголовья

слушая денно и ночью — знай! — суверен и смешон,
строки — приходят на речь, почти как на гибель герои.
Что это там впереди? Стикс, может быть Ахерон?
Первое — вряд ли, значит, бесспорно, второе. Второе.

ПАВЕЛ НОВИКОВ

Родился в 1986 году в городе Миассе, эмигрировал с родителями в Израиль в 1998, в 2008 вернулся в Россию. В 2013 окончил ЧелГУ по специальности «Журналистика». Живёт в Челябинске. Участник лито ЧТЗ. Публикуется впервые.

Под увертюру Шнитке

*

Простывшее небо
Обмотано серой ватой
«Судьбу нельзя считать виноватой»
Прозрачные хлёсткие стрелы
Осадят мой город смело

Всё буйно трещит раскатом
И мой карандаш покатый
В истерике глухо бьётся:
Из глаз или с неба льётся
Мы все захлебнемся от слёз
У Бога – туберкулёз

*

потной
ночью я лежал на
кровати
положил себе монеты на глаза
кто-то спорил под окном о Боливаре
я вынул перо из подушки
и положил себе на губы
шёпотом говоря
о вещах которые мне полюбились
о зимних фонарях
бельгийском шоколаде
о лицах писателей
и дыме труб;
о коже в дни
чёрного солнца
пока я говорил
пух щекотал мне губы

но после подул ветер
и перо улетело
я ощутил себя идиотом
не стоит беседовать с перьями
лучше любить их полёты

*

Мои звёзды налиты ртутью
Указатели на распутье
Говорят, я в конце дорожки
У изогнутой чёрной ложки
Ем голубей почтовых,
С пятнами вин плодовых
Молюсь в погорелых храмах,
Гадаю на мелких шрамах.
И ртутные звёзды строги
В белом конце дороги.
На этой бесцветной тверди
Я пахну мазутом смерти,
как Сальваторе Лукания.
С венами для вышивания
Сплю на холодной плитке
Под увертюру Шнитке.
А в мутном конце дороги
Луна умывает ноги,
Воротит щекой немытой —
Гнилое бревно с торца,
Чтобы забыть, не видеть...
Цвет моего лица

Ангелина Сабитова

Родилась в 1993 году в городе Новосибирске, живет в Челябинске, учится в ЧелГУ на факультете филологии и на заочном факультете московского Литературного института им. Горького.

Выдернуть шнур. Выдавить стекло

Червивый снег

червивый снег
подходит новый год
на елке мы развесили гирлянды
и светлячка на самую верхушку посадили
он как звезда он нами шевелит
и кажется что путь наш вертикален

мне мама скажет:
елка это я

мне папа скажет:
елка это я

и в их глазах мелькают огоньки
я верю им их корни далеки
а я иду о корни спотыкаясь
им нет конца они по всей земле
я медленно в улыбке расплываюсь
я знаю, кто живет в стволе

но мама, папа:
елка это я

мы триедино дерево я слышу голоса
из-под коры
я чувствую куда восходят корни
по памяти переплетаю ноги
с ногами всех кто в дереве живет
удар часов и новогодний стол
пустует

мы все ушли в одно нам нет конца
игрушкой елочной звезда
взошла на небе
мне мама говорит:
я слышу ничего
мне папа говорит:
я слышу ничего

но тишина и переводим дух
я слушаю и смерть страшна на слух

Автобусный рай

интро

на коленях у инвалида ребенок смотрит в отсутствие стекол
живой-неживой кондуктор закрывает единственно верный выход
не обращаю внимания на погасший свет
на руки облепившие поручни
на женщин смотрящих в зеркальца на других женщин
сквозь чужой сон слышу свой собственный
сквозь собственный сон ничего не слышу
автобус мчит мимо леса потом кладбища
где все спят потому никогда не спят
пассажиры знают что автобус не остановится
но новые влезают в него через любую щель

1.

во тьме сама себя не обнаружишь
как ветер бьет в лицо
смешались как тела во тьме
что путаешь себя с другими
как женщины как дети — зеркальца
поцеловать того кто близко
пока не рассмотреть лица

2.

скорость автобуса
это наша пассивная скорость
это медленный огонь
обнявшись сидим на местах с подогревом
радуясь общности целей и интересов
не успевая почувствовать одиночество
и понять
что некого во тьме
поцеловать

3.

сидения подкинем в воздух
нас тысячи таких
плечом к плечу в наш внутренний час-пик
зависнем в воздухе
и никому из нас (зачеркиваю) них
спасение (зачеркиваю) смерть

4.

выдернуть шнур выдавить стекло
стекло прямо на грудь легло
выдавить бы слезу
и упасть из окна
по ту сторону горькой страны
где я вышла из ряда вон

Письма мертвым

мы мертвые сидели за столом
и скатерть связана была узлом
жужжала ночь тропической цеце
я помню сетку рек
в морщинистом лице
соседки Аси с рыжею косой
и из ее глазниц растущий зверобой
мне кажется она уже жива
и вроде бы повсюду тут и там
то донкихот сидел то донжуан
их волосы крошечная листва
жизнь близилась
и от нее на волосок
мы были накаляясь как песок
во рту у нас затикали часы
слетала с кожи смерть
жужжанием осы
а смерть проста как лестничный пролет
как легко невесом ее полет
я помню всех живых похоронили
мы плакали на братской их могиле

Люди или сны

1.

Ко мне приходят люди или сны?
И сны, и люди
спрятаны в подушках.
Кто двинется ко мне из глубины?
Из комнаты, в которой
только суше
глаза, мокрее — потолок?
В какую даль закинуть поплавок?

*

На червячка я ночь себе ловила,
закидывала дальше поплавок,
она клевала, и, по горло в иле,
вставала во весь рост,
во весь поток.
Смотрела из окна — там ты идешь,
на дерево на каждое похож.

*

Я перья из подушек доставала,
и прятала в горшки, и поливала.
Под утро вырастали деревья,
с твоим лицом, и зрением,
и слухом,
но на тебя похожие едва.
И говор их пустой стоял над ухом.

2.

Там мама выростала из пера,
по ней трещали листья и кора.
Садилась рядом в платье голубом.
Она еще не родилась, и ею
очерчено топленое тепло.
Все плакала,
дрожа одним крылом,
которое от слез еще белее.
Я оставалась с ней наедине,
как будто, нерожденная вдвойне.

*

Соленый свет,
очерченный в ночи —
мне говорила — с губ своих утри.
В подушках были спрятаны ключи.
Я трогала, как будто, изнутри
ее набитый перьями живот.
Я есмь — я в этом чреве плод.

*

Достань ключи и отвори живот.
Я двинулась самой себе
навстречу.
Кто вглубь ушел, тот больше
не придет.
А кто придет, того и не замечу.
Отходят в глубину и сны, и люди.
Их не было, и никогда не будет.

Под плеск будильника пытаешься сморгнуть
нахлынувший пейзаж с сетчатки глаза.
Гудит трава и рассыпает ртуть,
и жуткий свет над ней растет, как метастаза.

Картонный дворник кормит пыль, и длинно
мелькает солнце, как оплывшая свеча.
Движением головы стряхнешь с лица морщины
и сдуешь небо дымным облачком с плеча.

Трамвайная музыка

эта музыка слов слепа
эта музыка зренья немая
только сердце звучит па-па-па,
как колеса трамвая

и по рельсам струится свет
и змеится вода золотая
эта музыка прежних лет
растает

я создам ее заново из
глубины твоего осязания
воздух синеголос и сиз
расстояний

нет и не будет но есть
музыка между нами
осязай эту легкую взвесь
снами

эта музыка спросит
ты здесь
и конечно ответишь
навечно
но так сходят трамваи с рельс
на своей бесконечной
конечной

Офелии

утро тянется длинной кометой зари
лодкой сна подлетающей
как качели
вдалеке сетями распяты рыбаки
подбирают венки
утонувших офелий
время врет. постарею и не умру
ветер ходит босыми ногами
по камням
сосчитай поцелуи сплюнутые
в траву
отвлекись от раздумий
мой милый гамлет
время льется сочится
как свежий сруб
я умру
не умру
ноты ловят молчание на стене
раскрываешь апокрифы
долгих губ
льешься музыкой мимо
моих ладоней
свет таится под лицами небылиц
утро тянется дымом
лесного пожара
каплей пота блестяшь
между перьев птиц
струйкой воска стекаю
по лбу икара

Nota Bene

литературно-художественный альманах

Руководитель проекта:

Т.Ф. Семьян, д.ф.н., профессор
кафедры русского языка и лит-ры ЮУрГУ

Главный редактор:

Е. Смышляев, магистрант кафедры
русского языка и лит-ры ЮУрГУ

Корректор:

З. Потапова, магистрант кафедры
русского языка и лит-ры ЮУрГУ

Фотограф, корректор:

А. Ивашкина, магистрант кафедры
русского языка и лит-ры ЮУрГУ

Иллюстрации: О. Юсупова

Вёрстка: В. Чухров